

INSTITUTE OF PHILOSOPHY
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

PHILOSOPHICAL EMANATIONS OF LOVE

Compiled and edited by
Yulia V. Sineokaya

LRC Publishing House
Moscow
2018

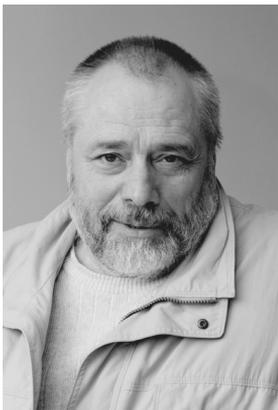
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ

ФИЛОСОФСКИЕ ЭМАНАЦИИ ЛЮБВИ

Автор идеи, составитель
и ответственный редактор
Ю. В. Синеокая

Издательский Дом ЯСК
Москва
2018

Владимир Карлович Кантор

Мистический запрет: Федор Степун и Анна Оболенская (русские Абельяра и Элоиза)

Аннотация. В своей статье В. К. Кантор рассматривает удивительное явление — переписку мужчины и женщины, ставшую фактом истории и культуры. Любовная переписка философа Федора Степуна и художницы княгини Анны Оболенский по праву входит в ряд, который открывается именами Пьера Абельяра и Элоизы. XX век был веком социальных, политических и человеческих катастроф. Выжившие и сохранившие достоинство и способность любить в это страшное время заслуживают внимания людей культуры.

Ключевые слова: Степун, Оболенская, Россия, Германия, Дрезден, Мюнхен, любовь, смерть.

Любовь — это позднее завоевание европейской культуры. Наиболее отчетливо эта тема прозвучала в любви трех пар — Данте и Беатриче, Петрарки и Лауры, Абельяра и Элоизы. Данте уже показывает женщину как духоводительницу мужчины, но она лишь в Раю обретает голос, звучащий как отзвук слов Бога. Ни у нее, ни у Лауры не было собственной субъектной силы. Неслучайны строки Ахматовой:

Могла ли Биче словно Дант творить,
Или Лаура жар любви восславить?
Я научила женщин говорить,
Но, Боже, как их замолчать заставить?!

Но в любви Абельяра и Элоизы женщина становится не только объектом, но и субъектом, обретает свой голос, пусть и напитанный звуками идей возлюбленного, но звучащий сильнее и чище, чем голос мужчины. Затем появляется Юлия, или

Новая Элоиза у Руссо, заговорившая в полный голос. И наконец, Гёте дал определение, утвердившееся в европейской культуре, — «вечная женственность». С этого момента поиск «вечной женственности» стал своего рода интеллектуальным соревнованием поэтов и писателей, особенно в России, позже Запада пришедшей к теме женской духовности. Первый образ духовной женщины, конечно, у Пушкина, это Татьяна Ларина (лирику поэта я опускаю), в своем письме Онегину показавшая силу и страсть, неведомую даже такому мощному уму, как Онегин. И хотя, как пишут литературоведы (Лотман, например), письмо Татьяны было навеяно письмами героини Руссо Юлии, но русский читатель, того более читательница отныне воспитывались на этом образце русской женственности. И происходил серьезный сдвиг в ментальности, начиналось культурное взросление, женщины не стали целомудреннее, но смогли отразить свою страсть и свою любовь, превращая сексуальное влечение в чувство.

В русской мысли завершил XIX век и открыл XX — Вл. Соловьев. Интуиция софийности как женской души мира вполне сопрягается с идеей «вечной женственности», *Ewig weibliche*, тем более что у Соловьева дефиниции на этот счет не очень резкие. Дантовская и гетевская линия в этой теме очевидна. Стоит напомнить его стихотворение 1898 г. «Das Ewig-Weibliche»:

Знайте же: вечная женственность ныне
 В теле нетленном на землю идет.
 В свете немеркнущем новой богини
 Небо слилось с пучиною вод.

Его трактат «Смысл любви», едва ли не лучший русский философский текст о любви, текст, выросший в полемике с «Метафизикой половой любви» модного тогда Шопенгауэра (которого обожал Лев Толстой, но написавший в «Крейцеровой сонате» в полемике с немцем о необходимости прекратить деторождение). Наступал Серебряный век, с его потерей чувства эротической меры, где эрос связывался с демонизмом (как у Валерия Брюсова в «Огненном ангеле») и смертью: Эрос и Танатос, как две силы, управляющие человеком. Стоит посмотреть на реальность эпохи. Женщина становится в начале XX в. более активной, социально и сексуально. И это пугает мужчин, которые начинают видеть в женщине нечто злое и анти-социальное¹, возвращаясь к средневековым представлениям о женщине, идущим

¹ Очень популярна была в России в те годы книга молодого австрийского еврея Отто Вейнингера «Пол и характер», где женщина являлась носительницей чисто природного, внеразумного начала. Влияемый Бердяев так интерпретировал это понимание женщины: «Женщина — носительница половой стихии в этом мире. У мужчины пол более дифференцирован и специализирован, у женщины же он разлит по всей плоти организма, по всему полю души. У мужчины половое влечение требует более безотлагательного удовлетворения, чем у женщины, но у него большая независимость от пола, чем у женщины, он менее половое существо. У мужчины есть огромная половая зависимость от женщины, есть слабость к полу женскому, слабость коренная,

от образа Евы, как «сосуде греха». Демоническая Нина Петровская, Дьяволица Лиля Брик, понимавшая вроде великого поэта, но вытиравшая об него ноги. Ее сестра Эльза Триоле, в будущем жена французского поэта и писателя Луи Арагона, вступила в романную переписку с приятелем Маяковского Виктором Шкловским, который в итоге сделал из этой переписки книгу. Но ничего вроде переписки Абельяра и Элоизы у них не получилось, хотя, разумеется, образованный Шкловский ориентировался на этот образец. Увидев провал, он назвал книгу «Зоо, или Письма не о любви». Но, надо сказать, что архетипическая установка — письма женщины сердечнее, а потому и сильнее. В этом ряду стоит и переписка Федора Степуна и княгини Анны Оболенской.

* * *

Собственно, это вступление, подход к главному герою моего текста, Федору Степуну, считавшему себя последователем Владимира Соловьева, называвшему себя «философом любви». Жизнь его помотала, но везде, где он находил какое-то пристанище, он вешал на стену портрет-фотографию Владимира Соловьева. Два слова о главном герое моего эссе. Родился в России в 1884 г. в Москве. Затем семья переехала в Калужскую губернию, отец его, Август Степун, был немец и директор бумажной фабрики, рядом было имение князя А. Д. Оболенского, мать тоже немецкого происхождения. Крестили мальчика в Москве в немецкой реформатской церкви в Трехсвятительском переулке (в 1895 г., по настоянию русофильски настроенной матери, он будет перекрещен в православие в Кондрово, в храме Спаса Нерукотворного). Русский язык столь же свободный, как и немецкий, настоящий билингва. Короче, детство в маленьком Кондрово, рядом с Калугой, потом снова Москва, реальное училище при евангелической лютеранской церкви св. Михаила, потом по совету доцента философа Бориса Вышеславцева поступил в немецкий университет в Хайдельберге. Там была учеба у знаменитого Вильгельма Виндельбанда и Генриха Риккерта. И как и положено немецкому буршу, завел летний роман с красавицей немецкой кузиной у нее в имении, забросив учебу. Но философия звала, и он вернулся в университет.

В 1910 г. защитил диссертацию по историософии Владимира Соловьева. По окончании университета он вместе с друзьями затеял издавать международный журнал по философии культуры. И, надо сказать, затея решительных юнцов (при помощи Риккерта) удалась. И в 1910 г. выходит первый номер журнала «Логос», где во вступительной статье к номеру, да и ко всему изданию (соавтор Сергей Гессен,

---

быть может, источник всех его слабостей. И унижительна для человека эта слабость мужчины к женщине. Но сам по себе мужчина менее сексуален, чем женщина. У женщины нет ничего не сексуального, она сексуальна в своей силе и в своей слабости, сексуальна даже в слабости сексуального стремления. Женщина является космической, мировой носительницей сексуальной стихии, стихийного в поле. Природная родовая стихия пола есть стихия женственная. Власть рода над человеком через женщину осуществляется» (Бердяев Н. А. Смысл творчества // Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. М.: Правда, 1990. С. 407–408).

*Федор Степун в Дрездене,
1920 г.*

соученик по Гейдельбергу и соиздатель журнала) он обозначил свою принципиальную позицию, расхо-дившуюся с современной ему российской мыслью: «Мы должны признать, что как бы значительны и интересны ни были отдельные русские явления в области научной философии, философия, бывшая раньше греческой, в настоящее время преимуще-ственно немецкая. Это доказывает не столько сама современная немецкая философия, сколько тот не-сомненный факт, что все современные оригиналь-ные и значительные явления философской мысли других народов носят на себе явный отпечаток вли-яния немецкого идеализма; и обратно, все попытки философского творчества, игнорирующие это на-следство, вряд ли могут быть признаны безусловно значительными и действительно плодотворными. А потому, лишь усвоив это наследство, сможем и мы уверенно пойти дальше»². В журнале печатались Зиммель, Риккерт, Гуссерль. Сам он писал о немец-

ких романтиках, Фридрихе Шлегеле, Рильке. Это был период, когда Степун считал основной своей задачей усвоить русской философией немецкие идеи последних лет, полагая в этом фактор европеизации России. Сам Степун был типичный «русский европеец», как определяли русского мыслителя его немецкие и русские друзья и коллеги (архиепископ Иоанн Сан-Францисский, ученик Степуна — профессор А. Штаммлер, и др.).

Любовная жизнь тоже продолжалась. На последнем курсе он женился на молодой девушке с изломанной Достоевской судьбой Анне Серебрянниковой. Через год она утонула, спасая мальчика. Родственница мальчика и невеста погибшего друга Наталья Николаевна Никольская приехала утешать его. Утешение перешло в любовь. В 1911 г. он женится на Наташе Никольской, с этой женщиной он про-живет практически до конца своей жизни. Она умрет за три года до его смерти в 1961 г. К этой женитьбе он, переживший несколько разрывов и трагедий, наблю-давший эротическое распутство творцов Серебряного века, подошел чрезвычайно серьезно, я бы сказал — с христиански-философским упором.

Но дальше неожиданный поворот биографии. Началась Первая мировая война (в народе именовавшаяся «германской»), и Степун уходит на германский фронт артиллеристом в чине прапорщика (об этом периоде его замечательная книга «Из записок прапорщика-артиллериста», написанная в форме писем. Вообще эпистолярный жанр лучше прочих давался Степуну). Война перерастает в Февраль-

² *Степун Ф. А. Сочинения / Вступит. ст., подгот. текста, примеч. и библи. В. К. Кантора. М.: РОССПЭН, 2000. С. 798.*

скую революцию, и Степун, бывший на стороне демократического Временного правительства, ездивший, рискуя жизнью, по окопам, агитируя солдат (подобных офицеров-агитаторов чаще всего убивали), становится начальником политуправления армии при военном министре, знаменитом эсере Борисе Савинкове.

В романе «Николай Переслегин», который он писал в пореволюционные годы, писал несколько лет, в маленькой комнатухе (книга построена как переписка, в эпистолярном жанре, где живые истории из быта перемежались строгими, почти протестантскими рацеями, хотя Степун был православный. Но наплеватьства православного у него не было), герой пишет жене: «Нужно только понять (я, кажется, все одно и то же пишу, но трудно, бесконечно трудно рассказать мне себя), нужно только понять, что ревность — совесть любви, прозрение того, что всякая любовь на земле может быть права перед Богом лишь при условии отрицания своего предмета, как абсолютного. Вечная правда ревности в ощущении, что всякая любовь не та; вечная же ее ошибка в эмоциональной перефразировке этой правды, в подозрении: — “что-то в нашей любви не то”, “он не тот”, “он не может любить”, “он не любит меня”, “он любит не меня” и т. д., и т. д. на самых маленьких, самых незаметных сдвигах все глубже и глубже, все ближе и ближе к зловещему кратеру, к страшному срыву в безумьем объятую преисподнюю ревности...

Есть только одно обстоятельство, Наташа, при наличии которого борьба с такою ревностью становится почти безнадежной, — это невозможность верить тому, кого любишь. Слава Богу, у меня нет сомнений, что Ты не только веришь всем моим словам, но веришь и моему молчанию, знаешь, что я ни сознательно, ни бессознательно ничего не умалчиваю. Слава Богу, мне не нужно доказывать Тебе, что не сегодня и не по соображениям самозащиты сложились во мне мои мысли о ревности.

Вспомни, родная, что я писал Тебе из Клементьева, когда впервые услышал в Твоих письмах скорбные и тревожные ноты по поводу приезда Марины, и Ты согласишься со мною, что я уже тогда ясно предвидел все те вопросы, которые на путях любви должна нам будет поставить жизнь, и заранее продумал все свои ответы на них.

Нет, не верю я, чтобы человеческая любовь могла из года в год спокойно, бессознательно и непрерывно расти, как дерево из упавшего на землю семени. За нее надо бороться и ее надо сознательно творить! Да, Наташа, сознательно. Сознание совсем не холод, совсем не ложь! Сознательное стремление к сознательному творчеству жизни самая благородная из всех доступных человеку страстей. Люди, знающие только темные страсти, вообще ничего не знают о страстях! Темные страсти терзают и петухов и жаб. Человек же только там и начинается, где начинается воля к свету и творчеству!

Всею своею любовью, Наташа моя, всеми силами своей души зову я Тебя на подвиг умного, упорного и страстного строительства нашей жизни»³.

³ *Степун Федор*. Николай Переслегин. Париж: Современные записки, 1929. С. 377–378.

Степун был глубоко верующим человеком, христианство определяло его мировоззрение, но он был еще и мистически ориентированным человеком. Ночные видения мистиков много значили для его сознания. Но он сознавал, что «все же мистики только смертные люди; потому души и сознания их постоянно мучаются соблазном и бессилием дневного, человеческого света»⁴. И, как увидим, мистический настрой сыграл важную роль в конце его жизни.

Брак оказался удачным, Наташа была истинным его вторым Я, подлинной помощницей. Они вместе уехали из Советской России, изгнанные вместе с другими русскими философами по указу Ленина. Жили в Берлине, где Степун зарабатывал лекциями, преподаванием, продолжал писать, издал несколько небольших книг: «Жизнь и творчество» (Берлин: Обелиск, 1923); «Основные проблемы театра» (Берлин: Слово, 1923).

В 1926 г. при поддержке трех выдающихся ученых — Тиллиха, Гуссерля и Кронера — получил место профессора социологии в Дрезденском техническом университете. При этом в 20-е и 30-е годы вел литературный раздел издававшегося в Париже крупнейшего русского литературного журнала «Современные записки». Затем в начале 30-х годов в организовал тоже в Париже вместе с И. И. Бунаковым-Фондаминским и Г. П. Федотовым журнал «Новый град». Но именно с этого года начинается двадцатилетний дрезденский период жизни Степуна. В этот период произошла одна трагико-романическая история между сестрой Степуна Маргой и последней возлюбленной Бунина Галиной Кузнецовой. Марга оборвала почти десятилетнюю связь великого писателя с русской красавицей. Федор Степун, лучший, как считал сам Бунин, интерпретатор его творчества, был писателем на какое-то время отторгнут. Бунин посчитал его виноватым в действиях его сестры.

Степун, называвший себя «философом любви», попытался Бунина вразумить и написал ему несколько писем. Приведу пару выдержек из этих эпистол:

17-го декабря 1935

Так вот я сказал Марге, что из безвыходного положения возможны три выхода. Первый, и на мой взгляд единственно правильный, это разлука Галины Николаевны и с Вами и с Маргой, так как на основе создавшегося положения ни возврат к Вам, ни уход к Марге не в силах дать положительных результатов. Если же это неприемлемо, то сразу же твердое решение: или, переборов себя и свою страсть, возвращаться Галине Николаевне пусть с мертвым сердцем, но с живою благодарностью за прошлое, на Бельведэр, или уходить к Марге, но с обязательным условием открыть Вам все, что с нею произошло. Одного только, утверждал я, делать никак нельзя, нельзя качаться между Вами и Маргой, нельзя жить то в Гёттингене, то на Ривьере, нельзя говорить о желании изучать немецкий язык, и нельзя, не сказав Вам всей правды, пользоваться Вашими средствами. В конце театрального сезона, когда Марга и Галина Николаевна об-

⁴ *Степун Федор. Трагедия мистического сознания // Степун Ф. А. Сочинения. С. 73.*

думывали место и форму своего свидания, я настаивал на том, чтобы Марга не ехала со своим чувством к Галине Николаевне в Ваш дом. К сожалению, болезнь Галины Николаевны перевернула правильное решение встречи в нейтральном месте. Я думаю, что если бы Марга была мужчиной, то Вы, Иван Алексеевич, вероятно, одобрили бы мой братский совет. И тут я подхожу к единственному пункту, в котором Вам, быть может, будет трудно понять меня и одобрить мое поведение. Я сам человек эротически не только абсолютно нормальный, но даже элементарный. Всякая однополая страсть (мужская, впрочем, больше, чем женская) вызывает потому во мне вполне определенное чувство отталкивания, я сказал бы даже тошноты, в том двойном душевно-физическом смысле, которое оно имеет в просторечии. Толстой предсмертную тоску ведь тоже называет душевной тошнотой. Но таковое мое ощущение не мешает мне признавать, что на почве той болезни, той ненормальности, того злосчастия, что представляют собою все половые аномалии, могут вырастать большие, весьма ценные пожизненные отношения. От этого моего убеждения, что норма любви заключается не в так называемой нормальности, а в степени ее духовной и творческой напряженности, я отказаться не могу. Половая ненормальность всегда очень тяжелая судьба, но не всегда и не обязательно разврат. Как нормальная любовь может быть развратна, так и ненормальная может быть духовна и целомудренна. Для меня развратна (вспомните мою статью о «Митиной любви») всякая безликая похоть и праведна всякая страсть, связанная с откровением о лице человека и возвращением его (лица) в любимом существе. Окажется ли связь Галины Николаевны с Маргой только развратом или любовью, для меня еще неясно. Боюсь, что большой, пожизненной любви не выйдет, но и надеюсь, что будущее опровергнет меня, хотя, положа руку на сердце, и эта перспектива меня инстинктивно мало радует^{5,6}.

И в другом письме:

Так называемая «противоестественная» любовь, как таковая, ни с «гнусностью», ни с «грязью» ничего общего не имеет: бывает грязь естественных и бывает чистота противоестественных отношений. Что Вам тот мир, в который ушла Галина Николаевна, должен казаться таким, каким он Вам кажется, мне ясно. Ясно и то, что все Ваши безудержные словоизвержения по отношению к этому миру являются бунтом эротического самолюбия и жалости к себе (страшные силы). Я понимаю, мне, по крайней мере, искренне так кажется, и Вашу муку, и Ваш гнев, и Ваше отвращение, и все же не в порядке «благородной прописи», а в порядке горячего желания как-нибудь выйти всем нам из создавшегося положения, прошу Вас в трезвую минуту подумать и умом и сердцем, — не правильнее ли прекратить Вам Вашу борьбу против Марги? Ведь не хотите же Вы вогнать в гроб ту самую Галину Николаевну, на которую Вы потратили «девять лет вели-

⁵ Связь Кузнецовой и М. Степун так и оказалась пожизненной.

⁶ Письма Ф. А. Степуна И. А. Бунину // С двух берегов. Русская литература XX века в России и за рубежом. М.: ИМЛМ РАН, 2002. С. 114.

кой любви и заботы». Мне кажется, ей, как и Марге, сейчас бесконечно тяжело жить. Правда, не легче, чем Вам⁷.

* * *

А теперь, после всех предысторий, связанных с любовными страданиями других пар, надо перейти к главным героям моего эссе. Вот они:

Анна Алексеевна Оболенская фон Герсдорф (1898–1973)

Федор Августович Степун (1884–1865)

Николай фон Герсдорф, муж Анны (1882–1953)

Наталья Николаевна Степун (урожденная Никольская) (1886–1961)

Нельзя, конечно, забывать о корне Оболенских, благороднейшем и умнейшем князе Алексее Дмитриевиче Оболенском (1855–1933; Дрезден), обер-прокуроре Святейшего синода (1905–1906), авторе совместно с Витте первого русского Манифеста в октябре 1905 г. Он же рекомендовал во власть великого русского реформатора Петра Аркадьевича Столыпина, который, кстати сказать, родился в Дрездене, о чем имеется запись в церковно-приходской книге.

Эмигрировали Оболенские в Дрезден, где, разумеется, нашли контакт с соседом по Калужской губернии Федором Степуном, да и человеком близких взглядов. Началось общение. Надо добавить, что в Дрездене стоял православный храм Симеона Дивногорца, прихожанами которого стали Федор Степун и князь Алексей Оболенский. Мне довелось посетить храм Св. Симеона Дивногорца, где настоятель храма, отец Георгий Давыдов, показал архивные материалы, в том числе церковно-приходские книги 1930-х гг.

Участникам этого визита посчастливилось прочитать «Постановления приходского собрания Дрезденской церкви за 1930 г.», где в записи от 2 февраля было принято решение (в присутствии членов общины С. В. Рахманинова, Ф. А. Степуна и др.) о слиянии «студенческого» кружка и «кружка изучения Слова Божия» в «кружок Русской культуры». В постановлении написано: «Судьба этого кружка обеспечена участием в нем таких деятелей, как князь А. Д. Оболенский (создатель его), профессор Ф. А. Степун, супругов Г. Г. и М. М. Кульман, Н. Д. Скалон» [Постановления 1930]. Позднее этот кружок (не без влияния Степуна) стал именоваться обществом Владимира Соловьева. После смерти князя Оболенского в 1933 г. председателем общества стал Степун. Стоит добавить, что общество проводило свои заседания в подвале дрезденского православного храма Святого Симеона Дивногорца, где А. Д. Оболенский был старостой церковной общины. В эту общину входили весьма известные люди: князь Д. А. Оболенский, С. В. Рахманинов, Ф. А. Степун и его жена, Г. Г. Кульман, швейцарец, влюбленный в русскую культуру, создававший структуры, помогавшие выжить русским эмигрантам.

Степун дружил с семьей Оболенских, а с Дмитрием Алексеевичем Оболенским был еще и коллегой по Дрезденской технической высшей школе (сохранилась

⁷ Письма Ф. А. Степуна И. А. Бунину. С. 117.

их переписка). Князь Алексей Дмитриевич до самой своей смерти в 1933 г. регулярно навещал дом Степунов.

Как впоследствии вспоминал Федор Августович: «Мы с Наташей часто вспоминаем Вашего незабвенного отца. Он частенько заезжал к нам на велосипеде, уютно, со вкусом ужинал и постоянно горел духовными вопросами. От него осталось впечатление чего-то очень своего. В его образе и во всем его душевно-духовном складе к нам в Дрезден заходила та Россия, с которой с годами все крепче чувствуешь себя связанным. Очень как-то странно: с одной стороны, я все глубже затягиваюсь в немецкую жизнь, а с другой стороны, все больше ухожу в свои отроческие и детские годы»⁸.

Пришел нацизм, и брат Анны Алексеевны оказался среди борцов с режимом. В начале 40-х гг. князь Д. А. Оболенский был арестован гестапо и скончался в 1945 г. в концлагере. С дочерью князя Степун состоял в длительной переписке в начале 1960-х гг. Она-то и стала основой образа русских Абеяра и Элоизы.

* * *

Поначалу их переписка — в сущности, второе издание романа «Николай Переслегин». Только там мужчина, пишущий любовные письма и тщетно ждущий ответного любовного письма, а здесь эту роль играет женщина. Это не раз замечает Анна Алексеевна. Абсолютная женственность, абсолютная возвышенность чувств, редко встречающаяся у женщин, явлена нам в ее письмах во всей непосредственности.

Но это не только правда любви, но и правда жизни, рассказывающая нам об очень непростой и небогатой жизни русской эмиграции. Дочери князя Оболенского, баронессе фон Герсдорф, приходилось зарабатывать на жизнь почти ремесленным рисованием (порой до десятка в день) детских портретов. Она небогатая художница. У нее часто нет денег, чтобы приехать из Стокгольма, где она живет, в Мюнхен, где живет Степун, мужчина ее мечты и страсти. Нет денег послать дочери («Аленьке») писем, кое-как существующей тоже в Мюнхене, которой время от времени финансово помогает Степун, начиная от постоянного приглашения на обед до сообщения, что его портмоне всегда для нее открыто. Существующая до сих пор подленькая легенда об очень богатой жизни эмигрировавшей русской аристократии разбивается простыми строчками (не на публику написанными) писем. Вот письмо, где она пишет о друзьях: «Люди не богатые (слава Богу, — не люблю богатых)»⁹. Надо сказать, что первое чувство зародилось у них обоих еще в Дрездене, в 30-е годы.

Эта строчка напомнила мне одну из самых страстных русских женщин-поэтов — писавшую в эмиграции Марину Цветаеву: «Два на Земле у меня врага, два близнеца неразрывно слитых / голод голодных и сытость сытых». Поразительно,

---

⁸ Переписка Анны Алексеевны Оболенской фон Герсдорф и Федора Августовича Степуна (1952–1965) // *Степун Федор. Письма / Сост., коммент., вступит. статьи к тому и разделам В. К. Кантора. М.: РОССПЭН, 2013 (Сер. «Российские пропилеи»)*. С. 512.

⁹ Там же. С. 521.

*Анна Алексеевна Оболенская,
1930-е гг.*

но факт, что аристократка, очень ценившая свою родословную, по умонастроению принадлежала к типу людей, чье кредо было выражено этими словами Марины Цветаевой. Еще для подтверждения — цитата из писем. Скажем, это: «Так соблазнительно снова приехать в Мюнхен, но что делать, когда находишься в тяжелых тисках безденежья! Только в октябре, возможно, будет облегчение. <...> Сейчас у меня два детских портрета, над которыми я работаю, но это — капля в море против того, что нужно»¹⁰.

Кажется, что эти письма показывают, как жизнь реализует себя по лекалу романной формы. В сущности, перед нами роман, хотя это обычная переписка, но чем-то напоминающая его роман в письмах «Николай Переслегин», написанный в период первых лет любви и брака с Натальей Николаевной Степун, на всю свою жизнь ставшей преданной спутницей

Степуна. И вот в последние годы жизни, после смерти жены, снова вспыхивают и звучат темы и мотивы его первого единственного романа. «Николай Переслегин» был и роман, и философский трактат о любви, чем-то напоминавший переведенную Степуном «Люцинду» Фр. Шлегеля. В романе «Люцинда» Шлегель рассказал о своей любви к Доротее, вольной и свободной женщине, в нем звучала и тема любви Шеллинга к Каролине, жене Августа Шлегеля, ушедшей к Шеллингу. Роман о страсти и любви, имеющей право на реализацию. Что поразило современников в романе Шлегеля, что раздражало современников в романе Степуна, это, говоря ученым языком, его приватность, за героями узнавались реальные лица. Роман Степуна был своеобразной рифмовкой шлегелевского романа, ибо строился на теме его любви к Наталье Николаевне Никольской, которую он отбил у мужа и с которой прожил всю жизнь. «Николай Переслегин» писался в трудные российские годы, в голоде и тесноте. Когда ему необходимо было сосредоточиться, нормальная потребность писателя, Наталья Николаевна либо уходила гулять, либо залезала в шкаф, где терпеливо сидела часами. За годы счастливой супружеской жизни, вместе пережитыми опасностями двух войн, двух революций, Степун так ни разу и не вернулся к собственно художественному творчеству. Хотя его великие мемуары есть, в сущности, сплав искусства, образной и пластической зрелости, философского анализа эпохи и исторических наблюдений: «ума холодных наблюдений и сердца горестных замет».

¹⁰ Переписка Анны Алексеевны Оболенской фон Герсдорф и Федора Августовича Степуна (1952–1965). С. 542.

Кажется, Анна Алексеевна понимала масштаб личности человека, которого она полюбила или готова была полюбить: «Ведь Вы, Федор Августович, титан духа, даже “крохи, падающие с Вашего стола” — это огромные ценности»¹¹. Но поразительно и вместе с тем очень понятно, что новую любовную игру (как бы продолжение несостоявшейся дрезденской) затевает мужчина, он нападает или делает вид, что нападает, во всяком случае заигрывает интеллектуально-эротически, если можно так сказать: «Очень Вы нас обрадовали своим неожиданным письмом. Неожиданным потому, что я уже перестал ждать отклика на мое письмо, о котором Вы упоминаете в приписке. Да, Вы, конечно, правы, вспоминая слова Иоанна Златоуста: “Мы разделяемся пространством, но соединяемся любовью”. Правы, однако, Вы в том, что немая любовь теряет свою субстанцию, свою жизнь, может в конце концов даже и умереть от недостаточного питания словом, ибо сказано в Евангелии: “в начале было слово и слово было Бог”. Любовь же есть Божий ставленник на земле. Итак, мы с Вами теоретически во всем согласны. Важно только, чтобы теоретическое согласие перешло в жизнь, т. е. чтобы мы хотя бы изредка друг с другом переключались. Я, конечно, понимаю, что писать Вам было трудно. Часто и со мной так бывает, что ежедневная вейлка отвевает в сторону самые ценные душевные цветы»¹².

Но, надо сказать, женщина помнит это дрезденский эпизод, хранит его в памяти, я бы даже сказал — в памяти сердца, и моментально возвращает мяч на сторону Степуна. Начинается своеобразный любовный теннис.

Дорогой Федор Августович!

«От избытка чувств уста глаголят...» Поэтому не могу Вам сей час не написать. еще совершенно под впечатлением «благоухания» этих дней в Мюнхене, нашей встречи, после кот-ой в руках у меня осталась Ваша книга, со знаменательным названием «Встречи», и с надписью от руки, где встречается то же слово.

Это поистине была для меня большая Встреча.

Помните ли Вы, что 6-го июня (если не ошибаюсь) день св. Симеона Дивногольца, храмовой праздник Дрезденского храма, где мы с Вами иногда часами

*А. А. Оболенская,
конец 1960-х гг.*

¹¹ Переписка Анны Алексеевны Оболенской фон Герсдорф и Федора Августовича Степуна (1952–1965). С. 524.

¹² Там же. С. 511–512.

простаивали Преждеосвященную обедню и другие богослужения о. Михаила? И в этот день я приехала в Мюнхен... Не постарался ли наш святой?

Не зная хорошо Четъи-Минеи, т. е. «Жития Святых», не знаю также, чем объясняется слово Дивногорец. Дивные ли горы или дивный Симеон на горах, для меня в Мюнхене это были «дивные дни»! Дивные, от слова «диво» или «чудо».

Странно, — с самого начала нашего знакомства в Дрездене, я мечтала именно так с Вами поговорить, — т. е. вернее я не смела об этом мечтать, — но, прибегая к сослагательному наклонению со словечком «бы», — все же где-то в подсознании не совсем погасла надежда.

И вот вдруг... Я только могу еще и еще раз сказать, — спасибо Вам, добрый, милый друг, за все, что Вы мне дали в эти дни¹³.

Интересно, что поэзия и сила слова идут от женщины, а не от писателя. Вообще, забегая вперед, замечу, что Степун ведет себя как тургеневский герой из «Аси» или «Рудина», который будит женское чувство, чтобы погреться в его тепле, не имея никаких matrimониальных намерений, даже намерений на любовную интригу. Впрочем, в некоторое оправдание мужчины можно указать его одиночество и тут же возникший соблазн, с которым он то борется, то дает себе послабление, то снова борется. Дело в том, что буквально через несколько лет после начала переписки Степун рассылает всем, и Анне Алексеевне в том числе, извещение о кончине и похоронах: «Am 30. Juli ist meine Frau NATALIE STEPUN geb. Nikolskaja an den Folgen ihres Herzleidens nach einem akuten Anfall gestorben. Fedor Stepun. Beisetzung: Mittwoch, den 2. August 1961, um 11 Uhr im Nordfriedhof».

Прошло чуть больше года, и переписка возобновилась, всплыли и дрезденские воспоминания. Из писем ясно, что намек на чувство зародился между ними еще в Дрездене, 25 лет назад. Она вспоминает: «Есть ли это тот “настоящий яд”, о кот-ом Вы мне как-то признались на балу в Hotel Bellevue лет 25 тому назад? Вопрос был поставлен так: я тогда спросила, после нескольких минут очень содержательного, хоть и краткого, разговора с Вами, — почему мы никогда не можем вести более продолжительного разговора и в более спокойном месте, чем на балу. На это Вы мне ответили, что если так разговаривать, то может случиться, что не захочется и расстаться! Потом Вы неожиданно прибавили, что уже были у нас с Вами ситуации, пропитанные “настоящим ядом”, и что надо остерегаться»¹⁴. Она достойна своего избранника, понимая его интересы и темы. Вот, к примеру, ее слова: «Многое еще мне хочется у вас спросить, о многом дослушать, что не было досказано. <...> Темы о Влад. Соловьеве, о г-же Шмидт, о его отношении к эротике, были затронуты еле-еле, да и еще многое и многое из личных переживаний. Но даже в чуть затронутых темах и суждениях меня очень радовала моя полная “созвучность” с Вами, кот<орую>

¹³ Переписка Анны Алексеевны Оболенской фон Герсдорф и Федора Августовича Степуна (1952–1965). С. 517–518.

¹⁴ Там же. С. 533.

я раньше даже не так ощущала и кот<орая>, по-моему, расширилась в своем диапазоне. Также поразило меня приятно некоторое сходство во вкусах и в характере, что бывает так редко!»¹⁵

Он делится с ней тем, что интеллектуально переживает, понимая, что найдет в ней понимающую душу, тем более что она воплощение любимой и утерянной России, хотя и живущая в Европе, но остающаяся русской европейкой: «Спешно кончал статью для “Нового журнала”, опровергал благожелательных к России евразийцев и ненавидящих Россию европейцев, считающих, что Россия — Азия, которую надо прогнать за Урал. Только сегодня я дописал эту довольно большую статью, но предстоит еще и переписка. 30-го июля был день Наташиной смерти. Служили панихиду на могиле, хорошо пели два мужских голоса. После панихиды было у нас человек пятнадцать: все милые и знакомые люди, которые, как и я, чувствовали ее присутствие в ею созданной квартире»¹⁶. Но заметим, что новое чувство не вытесняет старого, более того, старое чувство идет как бы камертоном к новому.

Федор Степун

Поначалу эта переписка напомнила мне историю Элоизы и Абеляра (хотя возраст корреспондентов совсем другой), но любят друг друга двое абсолютно верующих христиан. И письма женщины нежнее, и религиознее, напоминая тексты абеляровской возлюбленной, недаром образ Элоизы и ее женская глубина прошли сквозь историю мировой культуры. Через Руссо («Новая Элоиза») до пушкинской Татьяны и Онегина.

На излете Средневековья монахиня Элоиза пишет удивительные письма возлюбленному — знаменитому теологу Абеляру. Их отношения — символ первой ренессансной любовной пары, решавшей своей судьбой важные философско-теологические и моральные вопросы. Элоиза думала о духоподъеме Абеляра, сознательно искупала грех Евы. По словам современного исследователя, «взаимоотношения Элоизы и Абеляра выдвинули еще одну проблему, одну из центральных для XII века — проблему связи и противоречия между любовью человеческой и Божественной»¹⁷.

Элоиза по-своему решила ее, служа Богу во имя любви к Абеляру, всячески желая способствовать его богословской славе: «Бог свидетель, что я никогда ничего не искала в тебе, кроме тебя самого. <...> И хотя наименование супруги представ-

¹⁵ Переписка Анны Алексеевны Оболенской фон Герсдорф и Федора Августовича Степуна (1952–1965). С. 518.

¹⁶ Там же. С. 527.

¹⁷ Брук К. Возрождение XII века // Богословие в культуре Средневековья. Киев: Христианское братство «Путь к истине», 1992. С. 144.

ляется более священным и прочным, мне всегда было приятнее называться твоей подругой, или, если ты не оскорбишься, — твоею сожительницей или любовницей. Я думала, что чем более я унижусь ради тебя, тем больше будет твоя любовь ко мне и тем меньше я могу повредить твоей выдающейся славе»¹⁸. И подписывала свои письма: «Своему единственному после Христа и его единственная во Христе»¹⁹.

Тут звучит и тема Беатриче и Данте. Ведь Беатриче не обладает и сотой долей дантовского таланта, *но именно она ведет Данте вверх, из Ада через Чистилище в Рай*. Было бы кого вести. *В этом великая метафизика отношений мужчины и женщины*. Женщина ищет достойного, *но не всякий есть Данте, иной ведет женщину в пропасть, ибо женщина усваивает духовную потенцию мужчины, а потом разжигает ее в яркий костер*. Так и Анна Алексеевна готова служить своему избраннику, ибо только он кажется ей достойным ее любви: «Я Вам, кажется, уже писала, как много Вы мне дали и даете, в особенности дали во время этой Мюнхенской встречи. Если это все расписать, то получатся не строчки, а страницы... Страницы, конечно, чудесные. Но меня очень смущало одно обстоятельство: что же даю я Вам, что могу дать? Восхищение, преданность, любовь, дружбу, — что хотите, — но всего этого, я чувствовала, у Вас много кругом. Много, и мож. быть гораздо ценнее, потому что активно, близко, осязаемо. Но что я “своя”, что за мной “стоит Россия, ее природа, ее история, имена... созданных русск. творчеством женщин” и т. д., это такие дары, — от меня независящие, кот-ым и я умиляюсь. За отыскание их во мне — нижайший Вам поклон, — и опять — спасибо!»²⁰. И чуть позже еще яснее: «Любовь на старости лет, совсем особая, просветленная, совсем не конкурирующая с той большой единственной любовью. Помочь друг другу дожить, помочь еще творить, закончить задание от Бога!»²¹. В этой переписке звучит и тема «Евгения Онегина».

Мужчина смутил покой женщины, более того, дал ей право надеяться, поскольку она явно ему понравилась, как Татьяна Евгению. Что Онегин и сообщает Ленскому: «Будь я, как ты, поэт, я выбрал бы другую». В Татьяне он чувствует поэтическую натуру, как Степун в Оболенской-Герсдорф. И он ей пишет, подтверждая ее надежду: «Правды стыдиться не надо. Ваши письма были для меня большою радостью. И Вы правильно уловили в моем голосе какие-то еле уловимые нотки, давшие Вам право писать мне. Нет, Вы не ошиблись»²². Далее вступает в действие архетип русского мужчины, на сцену выходит тургеневский герой, но чувства которого осложнены нравственно-философской проблематикой и мистическим мировидением. Он отстывает и в ответ на ее все более и более страстные письма сле-

¹⁸ Первое письмо Элоизы Абеяру // *Абеяру П. История моих бедствий*. М.: АН СССР, 1959. С. 67, 70.

¹⁹ Второе письмо Элоизы Абеяру // *Абеяру П. История моих бедствий*. С. 80.

²⁰ Переписка Анны Алексеевны Оболенской фон Герсдорф и Федора Августовича Степуна. С. 532.

²¹ Там же. С. 562.

²² Там же. С. 527–528.

дует обескураживающий ответ, о котором она ему напоминает, ощущая при этом двойственность его чувств. Ты «сказал мне тогда, сидя со мной последний раз в ресторане, как бы лоя последние минуты, что мы были одни: “Ты понимаешь, все это хорошо, но я не могу и не хочу иметь с Тобой романа. Это было бы прекрасно, но это невозможно. *Я не свободен, я менее свободен, чем был когда бы то ни было...*” Что-то вроде Евг. Онегина. “Когда бы” и т. д. А с другой стороны, что-то чувствует-ся искреннее, — привязанность ко мне, даже какая-то невысказанная нежность»²³ (курсив мой. — В. К.).

Это уже подготовка к отступлению. Ему не по себе. Наташа и Наташина смерть слишком рядом. Трудно прожить с человеком душа в душу пятьдесят лет и в течение года поменять его на другого. Они перешли вначале на имена, отказавшись от отчеств (в русской интеллигентной культуре это много значит), потом перешли на «ты». Ты — Анюта, ты — Федор. Когда-то разрыв с Буниным из-за трагической любви Галины Кузнецовой и Марги Степун перевел вчерашних друзей на «вы» и на имена-отчества. Здесь как бы другой вектор. Анюта, так он ее называл, зовет его к себе в Швецию, говоря, что приготовила ему комнату с хорошим письменным столом и окнами в сад, рядом со своей мастерской, а готовить ему будет она сама. Обещает покой и душевное равновесие для его творчества. На его смущенный вопрос, что такая близость комнат может привести к чему-то большему, чем просто дружба, она ответила по-женски решительно, что ее это несколько не смущает. А может, даже и обрадует, поскольку расставит все необходимые акценты в их отношениях.

Казалось бы, стихи Пастернака из «Доктора Живаго», роман, о котором он писал, стало быть, и стихи читал. А его столкновение с Анютой чем-то напоминало ситуацию доктора Живаго и Лары:

В года мытарств, во времена
Немыслимого быта
Она волной судьбы со дна
Была к нему пририта.

Степун был в душевной растерянности. Но дело здесь было все же не в «Онегине», а в особом, прямо скажем, мистическом настрое его души. Не случайно последняя его книга называлась «Мистическое мировидение». Все же этот кантианец был одновременно выучеником немецких романтиков и мистиком²⁴. Одна из первых его статей, как я уже поминал, называлась «Трагедия мистического сознания». И эта трагедия настигла его. Его посещали видения. К нему стала являться его покойная жена, казалось, что это явление — упрек ему. Напрасно Анна Алексеевна пыталась

²³ Переписка Анны Алексеевны Оболенской фон Герсдорф и Федора Августовича Степуна. С. 162.

²⁴ См. об этом статью: Мелих Ю. Б. Ф. А. Степун — кантианец и мистик // Вопросы философии. 2010. № 7. С. 102–116.

воззвать к его рационализму: «Мне кажется, она не может ревновать ко мне, кот. любит его совсем особой, совсем допустимой любовью. Любовью, кот. была бы утешением, радостью, рассветом и ему, и мне, и кот. могла бы совсем не связываться со страстью и даже не быть телесной. <...> Я верю, — она, там, видит больше и лучше. Увидит, — само обман ли это с моей стороны, хитросплетения греховной любви под личиной святости и бесстрастности, или действительно какое-то особое чистое чувство. Дружба, привязанность, благоволение — с подъемом. Верить ли, — нет у меня других и больших мечтаний. Я верю, что Господь устроит как лучше»²⁵.

Но мистик Степун думал, что жизнь сложнее и трагичнее, и проще одновременно. Анна пыталась переубедить его:

Кстати, вспомнила. Ты раньше говорил: «Нет вопроса непосевания. Все это только вопрос иерархии любви!» Я возражала. Мне кажется, что и сейчас опыт показывает, что больше, чем иерархия любви, играет роль иерархия голоса совести. Разве нет? Так что мой друг, — это последнее мое длинное письмо. Впрочем, как Ты захочешь и считаешь правильным. Я сейчас пишу так спокойно и благоразумно, но знаю сама, что этого «благоразумия» хватит у меня не надолго! Вот и сейчас, глядя на Твое письмо, как подумаю, что не будет больше этих милых зеленых чернил, так, — ну, да не стоит договаривать. И так, беру себя за шиворот и говорю: Молчи!!

Теперь возвращаюсь к главной моей теме: «единственное между нами расхождение». Я расскажу Тебе все, что я чувствую, думаю по этому поводу. Во-первых, почему я «превратила про исходившее при мне в рассказ о том, что я лично не пережила». Просто потому, что я в тот вечер этого так, как Ты, и не пережила. Только потом в ресторане Ты мне сказал, что ясно чувствовал, как Наташа стояла за Твоим стулом. Шорох в передней еще сам по себе мог ничего особенного и не значить. Что Наташа, любя, около Тебя, в этом нет ничего удивительного, — так и должно быть и, как я Тебе и сказала: это хорошо, Федя!

Но что она ревниво Тебя оберегает от кого-ниб., кто не может Тебе принести вреда, — вот тут я не совсем уверена, — верно ли это.

У меня совсем другое представление о покойниках, добрых и любящих верующих христианах, кот. только желают нам добра²⁶.

Анна Алексеевна находит человека, Анатолия Рудольфовича Реннинга, так же, как и она, влюбленного в творчество Степуна. Она пишет Ф. А. стихи на его восьмидесятилетие, добавляя, что сочинять стихотворение ей помогал «Толя». Это уже говорит об особой близости, ведь она считает себя поэтом, стихи ее хвалил Степун. И в своем последнем письме к ней 25 июня 1964 г. Степун желает «своей Анюте»

²⁵ Переписка Анны Алексеевны Оболенской фон Герсдорф и Федора Августовича Степуна. С. 352.

²⁶ Там же. С. 604.

счастья *без него* (Реннинг и вправду становится ее мужем). Явление и запрет Наташи на новую любовь был фактом мистическим, но для Степуна он оказался решающим.

Человек пишущий невольно переводит в слова происходящее с ним, причем в слова, по возможности имеющие смысл общезначимый — в статьи или художественные тексты. Степун, после «Перслегина» прозы не писавший, вдруг пишет рассказ под названием «Ревность». В октябре этого же года рассказ был готов, что ясно из его письма редактору «Нового журнала» Р. Б. Гулю. Это письмо приводит редакция перед посмертной публикацией рассказа: «Рассказ “Ревность” мы получили от Ф. А. месяца за два до смерти. Вот что писал о нем Ф. А. 22 октября 1964 г. Р. Б. Гулю: “В ближайшее время пришлю Вам нечто для Вас неожиданное. Я недавно кончил небольшой рассказ, 18 машинных страниц, озаглавленный «Ревность» — чувство, которое я реально никогда не переживал. Фабула — роман героя с фотографией — взята из жизни, но развивается она в рамке моих философских размышлений о сущности любви. Не думайте, что рассказ безытно витийственный, то есть чисто философский; там есть и сцена, и парки, и музыка — Шопен и Рахманинов, и так далее”»²⁷.

Но современникам был не очень внятн подспудный смысл рассказа, который становится очевидным только с учетом личной переписки.

Рассказ написан абсолютно в духе немецкой романтической прозы эпохи Шлегеля и Шеллинга, где сюжетом являются мысли и переживания героя, на фоне некоего мистического (или кажущегося таковым) события. Сюжет удивительно прост, хотя и наполнен ложным мистическим переживанием. В Германии живет пожилой уже русский эмигрант (с несколько странной, хотя и говорящей далее фамилией — *Исцеленов*) со своей женой Мариной. Марина для него в сущности его всё. Вот он идет по улице: «Попадались аллеи еще голых берез, молоденьких, не больше тридцати лет, как дома в Подмоскowie. Дома? Но есть ли у него еще дом? Вот только Марина!»²⁸. Очевидно, он чем-то знаменит. К нему приходит фотокорреспондент, сообщив, что его фотопортрет будет на стенде знаменитостей. Исцеленов идет смотреть и, подойдя к фотостенду, попадает в некое мистическое пространство: «Он уже издали увидел в нитеобразном углублении стены фотовитрину с его собственным портретом, в правом нижнем углу которого, к его удивлению, была помещена фотография молодой женщины, с как будто бы простым, но пленительным и зовущим куда-то вдаль лицом, скорее славянского, чем германского типа. Стоя у витрины вот уже десять, а может быть и пятнадцать минут — время для него как будто бы остановилось — и все глубже проникая в глубину заворожившего его лица, Исцеленов взволнованно чувствовал, что за холодным стеклом свершается какая-то таинственная жизнь».

²⁷ Новый журнал. 1965. Кн. 79. С. 25.

²⁸ Степун Ф. А. Ревность // Степун Ф. А. Сочинения / Сост., вступ. ст., примеч. и библиограф. В. К. Кантора. М.: РОССПЭН, 2000. С. 931.

Она ему нравится, он ходит регулярно смотреть эту далекую от него красавицу. Интересно, однако, что он утаивает это свое ощущение от жены, думая при этом: «Если бы все было во мне простой игрой художественного воображения, наверное, не только все рассказал бы, но и повел бы Марину посмотреть на мою *бумажную красавицу*». Но не забудем, что пишущая ему письма Анна Алексеевна в фантазии мистически настроенного художника и есть бумажная красавица. Фотография — это нечто иное. Интересно, что пишущая ему женщина еще и художница, рисующая для заработка портреты. Не забудем и того, что покойная его жена ему *является*, оставаясь частью его жизни. Поэтому в рассказе она вполне живая, хотя и наделенная невероятным даром понимания.

Он, в сущности, здесь описывает свое отношение к переписке с княгиней Оболенской.

«Душевное состояние Исцеленова становилось все мучительнее, все сложнее. Зовущий вдаль фотопортрет с каждым днем все самоувереннее и самовольнее превращался в живое существо, *стремящееся, если не сегодня, то завтра войти в его жизнь. Чувство вины перед Мариной, трагической вины без вины, неустанно росло у него в душе*. Но поделиться всем с женой он все же не мог, может быть, потому, что она силой своей любви и своей духовной трезвости могла бы освободить его из плена, а освобождения он не хотел: уже любил свой плен, таящееся в нем единство счастья и страдания». Исцеленов называет эту свою странную любовь «последним актом его *сюрреалистической драмы*».

Но все же не зря называется Исцеленовым. Усилием воли он исцеляется от наваждения: Он вдруг понимает, что изображенная на фотографии актриса сходится со своим режиссером. И он топит ее портрет, принося символическое жертвоприношение, о чем и рассказывает, наконец, жене: «К моему и твоему счастью, она подло изменила, и я возненавидел ее и, приревновав ее, решил, что она должна умереть. Она! Но пойми, Марина: *она — это не только ее застекленный образ, а и та живая женщина, которую я ощутил сквозь фотографию и в которую, признаюсь, по-настоящему влюбился. Это единство образа и реальности тебе, пожалуй, трудно понять. Да и я эту странную магию понял только совсем недавно в моем общении с портретами. Но древняя магия эту тайну давно знала, всегда верила, что во всяком отображении человека: в портрете ли, в сновидении ли, в зеркальности вод, таится и он сам*. Это правда, Марина. Если бы эта вера не была правдой, я не мог бы пережить моего романа». После этого преодоления, художественного преодоления несостоявшегося романа, он, очевидно, успокоился и прекратил переписку, легко уже принимая добрые слова и поздравления с юбилеем от своей эпистолярной возлюбленной.

Пожалуй, слова жены героя могут быть естественным завершением этого эпистолярного сюжета. Жена подводит итог его метаниям (причем не забудем, что реальному Степуну она, покойная его жена, являлась как дух): «Когда ты блуждал среди твоих мистических теней, я очень боялась за нас, за конец нашей жизни, о котором я в последнее время много думаю. *Ведь если в час последнего расставания*

людям может быть дарован свет, то он только и может быть светом за всю жизнь ничем незатемненной любви...»

Степун остался при этом свете ничем не затемненной любви.

Литература

- Абеляр П. История моих бедствий. М.: АН СССР, 1959.
- Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. М.: Правда, 1990.
- Брук К. Возрождение XII века // Богословие в культуре Средневековья. Киев: Христианское братство «Путь к истине», 1992.
- Доброхотов А. Л. Данте. М.: Мысль, 1990.
- Малинина Т. А. А. А. Оболенская фон Герсдорф и ее творчество. СПб.: Центр искусств «АВИТ», 2002.
- Письма Ф. А. Степуна И. А. Бунину // С двух берегов. Русская литература XX века в России и за рубежом. М.: ИМЛИ РАН, 2002.
- Пушкин А. С. Евгений Онегин.
- Р. Кронер, Н. Бубнов, Г. Мелис, С. Гессен, Ф. Степун. О мессии. Эссе по философии культуры / Сост., послесл., примеч. А. А. Ермичёва; пер. с нем. А. А. Ермичёва, Н. Ю. Заварзиной, В. П. Курапиной, И. Л. Фокина. СПб.: РХГА, 2010.
- Степун Федор. Встречи и размышления. London: Overseas Publications Interchange Ltd., 1992.
- Степун Федор. Николай Переслегин. Томск: Водолей, 1997.
- Степун Федор. Чаемая Россия / Сост. и послесл. А. А. Ермичёва. СПб.: РХГИ, 1999.
- Степун Федор. Бывшее и несбывшееся / Послесл. Р. Гергеля. 2-е изд., испр. СПб.: Алетейя, 2000.
- Степун Ф. А. Сочинения / Вступит. ст., подгот. текстов, примеч. и библиограф. В. К. Кантора. М.: РОССПЭН, 2000.
- Степун Федор. Жизнь и творчество: избранные сочинения / Вступит. ст., сост. и коммент. В. К. Кантора. М.: Астрель, 2009.
- Степун Федор. Мистическое мировидение. Пять образов русского символизма / Послесл. А. А. Ермичёва. СПб.: Владимир Даль, 2012.
- Степун Федор. Письма / Сост., коммент., вступит. статьи к тому и разделам В. К. Кантора. М.: РОССПЭН, 2013. (Сер. «Российские пропилеи»).
- Stepun Fedor. Der Bolschewismus und die christliche Existenz. München: Kosel Verlag, 1959. S. 296.

Владимир Карлович Кантор

Мистический запрет: Федор Степун и Анна Оболенская (русские Абельяра и Элоиза)

Аннотация. В своей статье В. К. Кантор рассматривает удивительное явление — переписку мужчины и женщины, ставшую фактом истории и культуры. Любовная переписка философа Федора Степуна и художницы княгини Анны Оболенский по праву входит в ряд, который открывается именами Пьера Абельяра и Элоизы. XX век был веком социальных, политических и человеческих катастроф. Выжившие и сохранившие достоинство и способность любить в это страшное время заслуживают внимания людей культуры.

Ключевые слова: Степун, Оболенская, Россия, Германия, Дрезден, Мюнхен, любовь, смерть.

Любовь — это позднее завоевание европейской культуры. Наиболее отчетливо эта тема прозвучала в любви трех пар — Данте и Беатриче, Петрарки и Лауры, Абельяра и Элоизы. Данте уже показывает женщину как духоводительницу мужчины, но она лишь в Раю обретает голос, звучащий как отзвук слов Бога. Ни у нее, ни у Лауры не было собственной субъектной силы. Неслучайны строки Ахматовой:

Могла ли Биче словно Дант творить,
Или Лаура жар любви восславить?
Я научила женщин говорить,
Но, Боже, как их замолчать заставить?!

Но в любви Абельяра и Элоизы женщина становится не только объектом, но и субъектом, обретает свой голос, пусть и напитанный звуками идей возлюбленного, но звучащий сильнее и чище, чем голос мужчины. Затем появляется Юлия, или

Новая Элоиза у Руссо, заговорившая в полный голос. И наконец, Гёте дал определение, утвердившееся в европейской культуре, — «вечная женственность». С этого момента поиск «вечной женственности» стал своего рода интеллектуальным соревнованием поэтов и писателей, особенно в России, позже Запада пришедшей к теме женской духовности. Первый образ духовной женщины, конечно, у Пушкина, это Татьяна Ларина (лирику поэта я опускаю), в своем письме Онегину показавшая силу и страсть, неведомую даже такому мощному уму, как Онегин. И хотя, как пишут литературоведы (Лотман, например), письмо Татьяны было навеяно письмами героини Руссо Юлии, но русский читатель, того более читательница отныне воспитывались на этом образце русской женственности. И происходил серьезный сдвиг в ментальности, начиналось культурное взросление, женщины не стали целомудреннее, но смогли отразить свою страсть и свою любовь, превращая сексуальное влечение в чувство.

В русской мысли завершил XIX век и открыл XX — Вл. Соловьев. Интуиция софийности как женской души мира вполне сопрягается с идеей «вечной женственности», *Ewig weibliche*, тем более что у Соловьева дефиниции на этот счет не очень резкие. Дантовская и гетевская линия в этой теме очевидна. Стоит напомнить его стихотворение 1898 г. «Das Ewig-Weibliche»:

Знайте же: вечная женственность ныне
В теле нетленном на землю идет.
В свете немеркнущем новой богини
Небо слилось с пучиною вод.

Его трактат «Смысл любви», едва ли не лучший русский философский текст о любви, текст, выросший в полемике с «Метафизикой половой любви» модного тогда Шопенгауэра (которого обожал Лев Толстой, но написавший в «Крейцеровой сонате» в полемике с немцем о необходимости прекратить деторождение). Наступал Серебряный век, с его потерей чувства эротической меры, где эрос связывался с демонизмом (как у Валерия Брюсова в «Огненном ангеле») и смертью: Эрос и Танатос, как две силы, управляющие человеком. Стоит посмотреть на реальность эпохи. Женщина становится в начале XX в. более активной, социально и сексуально. И это пугает мужчин, которые начинают видеть в женщине нечто злое и анти-социальное¹, возвращаясь к средневековым представлениям о женщине, идущим

¹ Очень популярна была в России в те годы книга молодого австрийского еврея Отто Вейнингера «Пол и характер», где женщина являлась носительницей чисто природного, внеразумного начала. Влияемый Бердяев так интерпретировал это понимание женщины: «Женщина — носительница половой стихии в этом мире. У мужчины пол более дифференцирован и специализирован, у женщины же он разлит по всей плоти организма, по всему полю души. У мужчины половое влечение требует более безотлагательного удовлетворения, чем у женщины, но у него большая независимость от пола, чем у женщины, он менее половое существо. У мужчины есть огромная половая зависимость от женщины, есть слабость к полу женскому, слабость коренная,

от образа Евы, как «сосуде греха». Демоническая Нина Петровская, Дьяволица Лиля Брик, понимавшая вроде великого поэта, но вытиравшая об него ноги. Ее сестра Эльза Триоле, в будущем жена французского поэта и писателя Луи Арагона, вступила в романную переписку с приятелем Маяковского Виктором Шкловским, который в итоге сделал из этой переписки книгу. Но ничего вроде переписки Абельяра и Элоизы у них не получилось, хотя, разумеется, образованный Шкловский ориентировался на этот образец. Увидев провал, он назвал книгу «Зоо, или Письма не о любви». Но, надо сказать, что архетипическая установка — письма женщины сердечнее, а потому и сильнее. В этом ряду стоит и переписка Федора Степуна и княгини Анны Оболенской.

* * *

Собственно, это вступление, подход к главному герою моего текста, Федору Степуно, считавшему себя последователем Владимира Соловьева, называвшему себя «философом любви». Жизнь его помотала, но везде, где он находил какое-то пристанище, он вешал на стену портрет-фотографию Владимира Соловьева. Два слова о главном герое моего эссе. Родился в России в 1884 г. в Москве. Затем семья переехала в Калужскую губернию, отец его, Август Степун, был немец и директор бумажной фабрики, рядом было имение князя А. Д. Оболенского, мать тоже немецкого происхождения. Крестили мальчика в Москве в немецкой реформатской церкви в Трехсвятительском переулке (в 1895 г., по настоянию русофильски настроенной матери, он будет перекрещен в православие в Кондрово, в храме Спаса Нерукотворного). Русский язык столь же свободный, как и немецкий, настоящий билингва. Короче, детство в маленьком Кондрово, рядом с Калугой, потом снова Москва, реальное училище при евангелической лютеранской церкви св. Михаила, потом по совету доцента философа Бориса Вышеславцева поступил в немецкий университет в Хайдельберге. Там была учеба у знаменитого Вильгельма Виндельбанда и Генриха Риккерта. И как и положено немецкому буршу, завел летний роман с красавицей немецкой кузиной у нее в имении, забросив учебу. Но философия звала, и он вернулся в университет.

В 1910 г. защитил диссертацию по историософии Владимира Соловьева. По окончании университета он вместе с друзьями затеял издавать международный журнал по философии культуры. И, надо сказать, затея решительных юнцов (при помощи Риккерта) удалась. И в 1910 г. выходит первый номер журнала «Логос», где во вступительной статье к номеру, да и ко всему изданию (соавтор Сергей Гессен,

---

быть может, источник всех его слабостей. И унижительна для человека эта слабость мужчины к женщине. Но сам по себе мужчина менее сексуален, чем женщина. У женщины нет ничего не сексуального, она сексуальна в своей силе и в своей слабости, сексуальна даже в слабости сексуального стремления. Женщина является космической, мировой носительницей сексуальной стихии, стихийного в поле. Природная родовая стихия пола есть стихия женственная. Власть рода над человеком через женщину осуществляется» (Бердяев Н. А. Смысл творчества // Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. М.: Правда, 1990. С. 407–408).

*Федор Степун в Дрездене,
1920 г.*

соученик по Гейдельбергу и соиздатель журнала) он обозначил свою принципиальную позицию, расхо-дившуюся с современной ему российской мыслью: «Мы должны признать, что как бы значительны и интересны ни были отдельные русские явления в области научной философии, философия, бывшая раньше греческой, в настоящее время преимуще-ственно немецкая. Это доказывает не столько сама современная немецкая философия, сколько тот не-сомненный факт, что все современные оригиналь-ные и значительные явления философской мысли других народов носят на себе явный отпечаток вли-яния немецкого идеализма; и обратно, все попытки философского творчества, игнорирующие это на-следство, вряд ли могут быть признаны безусловно значительными и действительно плодотворными. А потому, лишь усвоив это наследство, сможем и мы уверенно пойти дальше»². В журнале печатались Зиммель, Риккерт, Гуссерль. Сам он писал о немец-

ких романтиках, Фридрихе Шлегеле, Рильке. Это был период, когда Степун считал основной своей задачей усвоить русской философией немецкие идеи последних лет, полагая в этом фактор европеизации России. Сам Степун был типичный «русский европеец», как определяли русского мыслителя его немецкие и русские друзья и коллеги (архиепископ Иоанн Сан-Францисский, ученик Степуна — профессор А. Штаммлер, и др.).

Любовная жизнь тоже продолжалась. На последнем курсе он женился на молодой девушке с изломанной достоевской судьбой Анне Серебрянниковой. Через год она утонула, спасая мальчика. Родственница мальчика и невеста погибшего друга Наталья Николаевна Никольская приехала утешать его. Утешение перешло в любовь. В 1911 г. он женится на Наташе Никольской, с этой женщиной он про-живет практически до конца своей жизни. Она умрет за три года до его смерти в 1961 г. К этой женитьбе он, переживший несколько разрывов и трагедий, наблю-давший эротическое распутство творцов Серебряного века, подошел чрезвычайно серьезно, я бы сказал — с христиански-философским упором.

Но дальше неожиданный поворот биографии. Началась Первая мировая война (в народе именовавшаяся «германской»), и Степун уходит на германский фронт артиллеристом в чине прапорщика (об этом периоде его замечательная книга «Из записок прапорщика-артиллериста», написанная в форме писем. Вообще эпи-столярный жанр лучше прочих давался Степуну). Война перерастает в Февраль-

² *Степун Ф. А. Сочинения / Вступит. ст., подгот. текста, примеч. и библи. В. К. Кантора. М.: РОССПЭН, 2000. С. 798.*

скую революцию, и Степун, бывший на стороне демократического Временного правительства, ездивший, рискуя жизнью, по окопам, агитируя солдат (подобных офицеров-агитаторов чаще всего убивали), становится начальником политуправления армии при военном министре, знаменитом эсере Борисе Савинкове.

В романе «Николай Переслегин», который он писал в пореволюционные годы, писал несколько лет, в маленькой комнатухе (книга построена как переписка, в эпистолярном жанре, где живые истории из быта перемежались строгими, почти протестантскими рацеями, хотя Степун был православный. Но наплеватьства православного у него не было), герой пишет жене: «Нужно только понять (я, кажется, все одно и то же пишу, но трудно, бесконечно трудно рассказать мне себя), нужно только понять, что ревность — совесть любви, прозрение того, что всякая любовь на земле может быть права перед Богом лишь при условии отрицания своего предмета, как абсолютного. Вечная правда ревности в ощущении, что всякая любовь не та; вечная же ее ошибка в эмоциональной перефразировке этой правды, в подозрении: — “что-то в нашей любви не то”, “он не тот”, “он не может любить”, “он не любит меня”, “он любит не меня” и т. д., и т. д. на самых маленьких, самых незаметных сдвигах все глубже и глубже, все ближе и ближе к зловещему кратеру, к страшному срыву в безумьем объятую преисподнюю ревности...

Есть только одно обстоятельство, Наташа, при наличии которого борьба с такою ревностью становится почти безнадежной, — это невозможность верить тому, кого любишь. Слава Богу, у меня нет сомнений, что Ты не только веришь всем моим словам, но веришь и моему молчанию, знаешь, что я ни сознательно, ни бессознательно ничего не умалчиваю. Слава Богу, мне не нужно доказывать Тебе, что не сегодня и не по соображениям самозащиты сложились во мне мои мысли о ревности.

Вспомни, родная, что я писал Тебе из Клементьева, когда впервые услышал в Твоих письмах скорбные и тревожные ноты по поводу приезда Марины, и Ты согласишься со мною, что я уже тогда ясно предвидел все те вопросы, которые на путях любви должна нам будет поставить жизнь, и заранее продумал все свои ответы на них.

Нет, не верю я, чтобы человеческая любовь могла из года в год спокойно, бессознательно и непрерывно расти, как дерево из упавшего на землю семени. За нее надо бороться и ее надо сознательно творить! Да, Наташа, сознательно. Сознание совсем не холод, совсем не ложь! Сознательное стремление к сознательному творчеству жизни самая благородная из всех доступных человеку страстей. Люди, знающие только темные страсти, вообще ничего не знают о страстях! Темные страсти терзают и петухов и жаб. Человек же только там и начинается, где начинается воля к свету и творчеству!

Всею своею любовью, Наташа моя, всеми силами своей души зову я Тебя на подвиг умного, упорного и страстного строительства нашей жизни»³.

³ *Степун Федор*. Николай Переслегин. Париж: Современные записки, 1929. С. 377–378.

Степун был глубоко верующим человеком, христианство определяло его мировоззрение, но он был еще и мистически ориентированным человеком. Ночные видения мистиков много значили для его сознания. Но он сознавал, что «все же мистики только смертные люди; потому души и сознания их постоянно мучаются соблазном и бессилием дневного, человеческого света»⁴. И, как увидим, мистический настрой сыграл важную роль в конце его жизни.

Брак оказался удачным, Наташа была истинным его вторым Я, подлинной помощницей. Они вместе уехали из Советской России, изгнанные вместе с другими русскими философами по указу Ленина. Жили в Берлине, где Степун зарабатывал лекциями, преподаванием, продолжал писать, издал несколько небольших книг: «Жизнь и творчество» (Берлин: Обелиск, 1923); «Основные проблемы театра» (Берлин: Слово, 1923).

В 1926 г. при поддержке трех выдающихся ученых — Тиллиха, Гуссерля и Кронера — получил место профессора социологии в Дрезденском техническом университете. При этом в 20-е и 30-е годы вел литературный раздел издававшегося в Париже крупнейшего русского литературного журнала «Современные записки». Затем в начале 30-х годов в организовал тоже в Париже вместе с И. И. Бунаковым-Фондаминским и Г. П. Федотовым журнал «Новый град». Но именно с этого года начинается двадцатилетний дрезденский период жизни Степуна. В этот период произошла одна трагико-романическая история между сестрой Степуна Маргой и последней возлюбленной Бунина Галиной Кузнецовой. Марга оборвала почти десятилетнюю связь великого писателя с русской красавицей. Федор Степун, лучший, как считал сам Бунин, интерпретатор его творчества, был писателем на какое-то время отторгнут. Бунин посчитал его виноватым в действиях его сестры.

Степун, называвший себя «философом любви», попытался Бунина вразумить и написал ему несколько писем. Приведу пару выдержек из этих эпистол:

17-го декабря 1935

Так вот я сказал Марге, что из безвыходного положения возможны три выхода. Первый, и на мой взгляд единственно правильный, это разлука Галины Николаевны и с Вами и с Маргой, так как на основе создавшегося положения ни возврат к Вам, ни уход к Марге не в силах дать положительных результатов. Если же это неприемлемо, то сразу же твердое решение: или, переборов себя и свою страсть, возвращаться Галине Николаевне пусть с мертвым сердцем, но с живою благодарностью за прошлое, на Бельведэр, или уходить к Марге, но с обязательным условием открыть Вам все, что с нею произошло. Одного только, утверждал я, делать никак нельзя, нельзя качаться между Вами и Маргой, нельзя жить то в Гёттингене, то на Ривьере, нельзя говорить о желании изучать немецкий язык, и нельзя, не сказав Вам всей правды, пользоваться Вашими средствами. В конце театрального сезона, когда Марга и Галина Николаевна об-

⁴ *Степун Федор. Трагедия мистического сознания // Степун Ф. А. Сочинения. С. 73.*

думывали место и форму своего свидания, я настаивал на том, чтобы Марга не ехала со своим чувством к Галине Николаевне в Ваш дом. К сожалению, болезнь Галины Николаевны перевернула правильное решение встречи в нейтральном месте. Я думаю, что если бы Марга была мужчиной, то Вы, Иван Алексеевич, вероятно, одобрили бы мой братский совет. И тут я подхожу к единственному пункту, в котором Вам, быть может, будет трудно понять меня и одобрить мое поведение. Я сам человек эротически не только абсолютно нормальный, но даже элементарный. Всякая однополая страсть (мужская, впрочем, больше, чем женская) вызывает потому во мне вполне определенное чувство отталкивания, я сказал бы даже тошноты, в том двойном душевно-физическом смысле, которое оно имеет в просторечии. Толстой предсмертную тоску ведь тоже называет душевной тошнотой. Но таковое мое ощущение не мешает мне признавать, что на почве той болезни, той ненормальности, того злосчастия, что представляют собою все половые аномалии, могут вырастать большие, весьма ценные пожизненные отношения. От этого моего убеждения, что норма любви заключается не в так называемой нормальности, а в степени ее духовной и творческой напряженности, я отказаться не могу. Половая ненормальность всегда очень тяжелая судьба, но не всегда и не обязательно разврат. Как нормальная любовь может быть развратна, так и ненормальная может быть духовна и целомудренна. Для меня развратна (вспомните мою статью о «Митиной любви») всякая безликая похоть и праведна всякая страсть, связанная с откровением о лице человека и возвращением его (лица) в любимом существе. Окажется ли связь Галины Николаевны с Маргой только развратом или любовью, для меня еще неясно. Боюсь, что большой, пожизненной любви не выйдет, но и надеюсь, что будущее опровергнет меня, хотя, положа руку на сердце, и эта перспектива меня инстинктивно мало радует^{5,6}.

И в другом письме:

Так называемая «противоестественная» любовь, как таковая, ни с «гнусностью», ни с «грязью» ничего общего не имеет: бывает грязь естественных и бывает чистота противоестественных отношений. Что Вам тот мир, в который ушла Галина Николаевна, должен казаться таким, каким он Вам кажется, мне ясно. Ясно и то, что все Ваши безудержные словоизвержения по отношению к этому миру являются бунтом эротического самолюбия и жалости к себе (страшные силы). Я понимаю, мне, по крайней мере, искренне так кажется, и Вашу муку, и Ваш гнев, и Ваше отвращение, и все же не в порядке «благородной прописи», а в порядке горячего желания как-нибудь выйти всем нам из создавшегося положения, прошу Вас в трезвую минуту подумать и умом и сердцем, — не правильнее ли прекратить Вам Вашу борьбу против Марги? Ведь не хотите же Вы вогнать в гроб ту самую Галину Николаевну, на которую Вы потратили «девять лет вели-

⁵ Связь Кузнецовой и М. Степун так и оказалась пожизненной.

⁶ Письма Ф. А. Степуна И. А. Бунину // С двух берегов. Русская литература XX века в России и за рубежом. М.: ИМЛМ РАН, 2002. С. 114.

кой любви и заботы». Мне кажется, ей, как и Марге, сейчас бесконечно тяжело жить. Правда, не легче, чем Вам⁷.

* * *

А теперь, после всех предысторий, связанных с любовными страданиями других пар, надо перейти к главным героям моего эссе. Вот они:

Анна Алексеевна Оболенская фон Герсдорф (1898–1973)

Федор Августович Степун (1884–1865)

Николай фон Герсдорф, муж Анны (1882–1953)

Наталья Николаевна Степун (урожденная Никольская) (1886–1961)

Нельзя, конечно, забывать о корне Оболенских, благороднейшем и умнейшем князе Алексее Дмитриевиче Оболенском (1855–1933; Дрезден), обер-прокуроре Святейшего синода (1905–1906), авторе совместно с Витте первого русского Манифеста в октябре 1905 г. Он же рекомендовал во власть великого русского реформатора Петра Аркадьевича Столыпина, который, кстати сказать, родился в Дрездене, о чем имеется запись в церковно-приходской книге.

Эмигрировали Оболенские в Дрезден, где, разумеется, нашли контакт с соседом по Калужской губернии Федором Степуном, да и человеком близких взглядов. Началось общение. Надо добавить, что в Дрездене стоял православный храм Симеона Дивногорца, прихожанами которого стали Федор Степун и князь Алексей Оболенский. Мне довелось посетить храм Св. Симеона Дивногорца, где настоятель храма, отец Георгий Давыдов, показал архивные материалы, в том числе церковно-приходские книги 1930-х гг.

Участникам этого визита посчастливилось прочитать «Постановления приходского собрания Дрезденской церкви за 1930 г.», где в записи от 2 февраля было принято решение (в присутствии членов общины С. В. Рахманинова, Ф. А. Степуна и др.) о слиянии «студенческого» кружка и «кружка изучения Слова Божия» в «кружок Русской культуры». В постановлении написано: «Судьба этого кружка обеспечена участием в нем таких деятелей, как князь А. Д. Оболенский (создатель его), профессор Ф. А. Степун, супругов Г. Г. и М. М. Кульман, Н. Д. Скалон» [Постановления 1930]. Позднее этот кружок (не без влияния Степуна) стал именоваться обществом Владимира Соловьева. После смерти князя Оболенского в 1933 г. председателем общества стал Степун. Стоит добавить, что общество проводило свои заседания в подвале дрезденского православного храма Святого Симеона Дивногорца, где А. Д. Оболенский был старостой церковной общины. В эту общину входили весьма известные люди: князь Д. А. Оболенский, С. В. Рахманинов, Ф. А. Степун и его жена, Г. Г. Кульман, швейцарец, влюбленный в русскую культуру, создававший структуры, помогавшие выжить русским эмигрантам.

Степун дружил с семьей Оболенских, а с Дмитрием Алексеевичем Оболенским был еще и коллегой по Дрезденской технической высшей школе (сохранилась

⁷ Письма Ф. А. Степуна И. А. Бунину. С. 117.

их переписка). Князь Алексей Дмитриевич до самой своей смерти в 1933 г. регулярно навещал дом Степунов.

Как впоследствии вспоминал Федор Августович: «Мы с Наташей часто вспоминаем Вашего незабвенного отца. Он частенько заезжал к нам на велосипеде, уютно, со вкусом ужинал и постоянно горел духовными вопросами. От него осталось впечатление чего-то очень своего. В его образе и во всем его душевно-духовном складе к нам в Дрезден заходила та Россия, с которой с годами все крепче чувствуешь себя связанным. Очень как-то странно: с одной стороны, я все глубже затягиваюсь в немецкую жизнь, а с другой стороны, все больше ухожу в свои отроческие и детские годы»⁸.

Пришел нацизм, и брат Анны Алексеевны оказался среди борцов с режимом. В начале 40-х гг. князь Д. А. Оболенский был арестован гестапо и скончался в 1945 г. в концлагере. С дочерью князя Степун состоял в длительной переписке в начале 1960-х гг. Она-то и стала основой образа русских Абеяра и Элоизы.

* * *

Поначалу их переписка — в сущности, второе издание романа «Николай Переслегин». Только там мужчина, пишущий любовные письма и тщетно ждущий ответного любовного письма, а здесь эту роль играет женщина. Это не раз замечает Анна Алексеевна. Абсолютная женственность, абсолютная возвышенность чувств, редко встречающаяся у женщин, явлена нам в ее письмах во всей непосредственности.

Но это не только правда любви, но и правда жизни, рассказывающая нам об очень непростой и небогатой жизни русской эмиграции. Дочери князя Оболенского, баронессе фон Герсдорф, приходилось зарабатывать на жизнь почти ремесленным рисованием (порой до десятка в день) детских портретов. Она небогатая художница. У нее часто нет денег, чтобы приехать из Стокгольма, где она живет, в Мюнхен, где живет Степун, мужчина ее мечты и страсти. Нет денег послать дочери («Аленьке») писем, кое-как существующей тоже в Мюнхене, которой время от времени финансово помогает Степун, начиная от постоянного приглашения на обед до сообщения, что его портмоне всегда для нее открыто. Существующая до сих пор подленькая легенда об очень богатой жизни эмигрировавшей русской аристократии разбивается простыми строчками (не на публику написанными) писем. Вот письмо, где она пишет о друзьях: «Люди не богатые (слава Богу, — не люблю богатых)»⁹. Надо сказать, что первое чувство зародилось у них обоих еще в Дрездене, в 30-е годы.

Эта строчка напомнила мне одну из самых страстных русских женщин-поэтов — писавшую в эмиграции Марину Цветаеву: «Два на Земле у меня врага, два близнеца неразрывно слитых / голод голодных и сытость сытых». Поразительно,

---

⁸ Переписка Анны Алексеевны Оболенской фон Герсдорф и Федора Августовича Степуна (1952–1965) // *Степун Федор. Письма / Сост., коммент., вступит. статьи к тому и разделам В. К. Кантора. М.: РОССПЭН, 2013 (Сер. «Российские пропилеи»)*. С. 512.

⁹ Там же. С. 521.

*Анна Алексеевна Оболенская,
1930-е гг.*

но факт, что аристократка, очень ценившая свою родословную, по умонастроению принадлежала к типу людей, чье кредо было выражено этими словами Марины Цветаевой. Еще для подтверждения — цитата из писем. Скажем, это: «Так соблазнительно снова приехать в Мюнхен, но что делать, когда находишься в тяжелых тисках безденежья! Только в октябре, возможно, будет облегчение. <...> Сейчас у меня два детских портрета, над которыми я работаю, но это — капля в море против того, что нужно»¹⁰.

Кажется, что эти письма показывают, как жизнь реализует себя по лекалу романной формы. В сущности, перед нами роман, хотя это обычная переписка, но чем-то напоминающая его роман в письмах «Николай Переслегин», написанный в период первых лет любви и брака с Натальей Николаевной Степун, на всю свою жизнь ставшей преданной спутницей

Степуна. И вот в последние годы жизни, после смерти жены, снова вспыхивают и звучат темы и мотивы его первого единственного романа. «Николай Переслегин» был и роман, и философский трактат о любви, чем-то напоминавший переведенную Степуном «Люцинду» Фр. Шлегеля. В романе «Люцинда» Шлегель рассказал о своей любви к Доротее, вольной и свободной женщине, в нем звучала и тема любви Шеллинга к Каролине, жене Августа Шлегеля, ушедшей к Шеллингу. Роман о страсти и любви, имеющей право на реализацию. Что поразило современников в романе Шлегеля, что раздражало современников в романе Степуна, это, говоря ученым языком, его приватность, за героями узнавались реальные лица. Роман Степуна был своеобразной рифмовкой шлегелевского романа, ибо строился на теме его любви к Наталье Николаевне Никольской, которую он отбил у мужа и с которой прожил всю жизнь. «Николай Переслегин» писался в трудные российские годы, в голоде и тесноте. Когда ему необходимо было сосредоточиться, нормальная потребность писателя, Наталья Николаевна либо уходила гулять, либо залезала в шкаф, где терпеливо сидела часами. За годы счастливой супружеской жизни, вместе пережитыми опасностями двух войн, двух революций, Степун так ни разу и не вернулся к собственно художественному творчеству. Хотя его великие мемуары есть, в сущности, сплав искусства, образной и пластической зрелости, философского анализа эпохи и исторических наблюдений: «ума холодных наблюдений и сердца горестных замет».

¹⁰ Переписка Анны Алексеевны Оболенской фон Герсдорф и Федора Августовича Степуна (1952–1965). С. 542.

Кажется, Анна Алексеевна понимала масштаб личности человека, которого она полюбила или готова была полюбить: «Ведь Вы, Федор Августович, титан духа, даже “крохи, падающие с Вашего стола” — это огромные ценности»¹¹. Но поразительно и вместе с тем очень понятно, что новую любовную игру (как бы продолжение несостоявшейся дрезденской) затевает мужчина, он нападает или делает вид, что нападает, во всяком случае заигрывает интеллектуально-эротически, если можно так сказать: «Очень Вы нас обрадовали своим неожиданным письмом. Неожиданным потому, что я уже перестал ждать отклика на мое письмо, о котором Вы упоминаете в приписке. Да, Вы, конечно, правы, вспоминая слова Иоанна Златоуста: “Мы разделяемся пространством, но соединяемся любовью”. Правы, однако, Вы в том, что немая любовь теряет свою субстанцию, свою жизнь, может в конце концов даже и умереть от недостаточного питания словом, ибо сказано в Евангелии: “в начале было слово и слово было Бог”. Любовь же есть Божий ставленник на земле. Итак, мы с Вами теоретически во всем согласны. Важно только, чтобы теоретическое согласие перешло в жизнь, т. е. чтобы мы хотя бы изредка друг с другом перекликались. Я, конечно, понимаю, что писать Вам было трудно. Часто и со мной так бывает, что ежедневная вейлка отвеивает в сторону самые ценные душевные цветы»¹².

Но, надо сказать, женщина помнит это дрезденский эпизод, хранит его в памяти, я бы даже сказал — в памяти сердца, и моментально возвращает мяч на сторону Степуна. Начинается своеобразный любовный теннис.

Дорогой Федор Августович!

«От избытка чувств уста глаголят...» Поэтому не могу Вам сей час не написать. еще совершенно под впечатлением «благоухания» этих дней в Мюнхене, нашей встречи, после кот-ой в руках у меня осталась Ваша книга, со знаменательным названием «Встречи», и с надписью от руки, где встречается то же слово.

Это поистине была для меня большая Встреча.

Помните ли Вы, что 6-го июня (если не ошибаюсь) день св. Симеона Дивногогорца, храмовой праздник Дрезденского храма, где мы с Вами иногда часами

*А. А. Оболенская,
конец 1960-х гг.*

¹¹ Переписка Анны Алексеевны Оболенской фон Герсдорф и Федора Августовича Степуна (1952–1965). С. 524.

¹² Там же. С. 511–512.

простаивали Преждеосвященную обедню и другие богослужения о. Михаила? И в этот день я приехала в Мюнхен... Не постарался ли наш святой?

Не зная хорошо Четъи-Минеи, т. е. «Жития Святых», не знаю также, чем объясняется слово Дивногорец. Дивные ли горы или дивный Симеон на горах, для меня в Мюнхене это были «дивные дни»! Дивные, от слова «диво» или «чудо».

Странно, — с самого начала нашего знакомства в Дрездене, я мечтала именно так с Вами поговорить, — т. е. вернее я не смела об этом мечтать, — но, прибегая к сослагательному наклонению со словечком «бы», — все же где-то в подсознании не совсем погасла надежда.

И вот вдруг... Я только могу еще и еще раз сказать, — спасибо Вам, добрый, милый друг, за все, что Вы мне дали в эти дни¹³.

Интересно, что поэзия и сила слова идут от женщины, а не от писателя. Вообще, забегая вперед, замечу, что Степун ведет себя как тургеневский герой из «Аси» или «Рудина», который будит женское чувство, чтобы погреться в его тепле, не имея никаких matrimониальных намерений, даже намерений на любовную интригу. Впрочем, в некоторое оправдание мужчины можно указать его одиночество и тут же возникший соблазн, с которым он то борется, то дает себе послабление, то снова борется. Дело в том, что буквально через несколько лет после начала переписки Степун рассылает всем, и Анне Алексеевне в том числе, извещение о кончине и похоронах: «Am 30. Juli ist meine Frau NATALIE STEPUN geb. Nikolskaja an den Folgen ihres Herzleidens nach einem akuten Anfall gestorben. Fedor Stepun. Beisetzung: Mittwoch, den 2. August 1961, um 11 Uhr im Nordfriedhof».

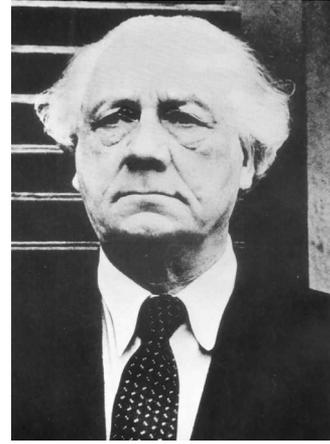
Прошло чуть больше года, и переписка возобновилась, всплыли и дрезденские воспоминания. Из писем ясно, что намек на чувство зародился между ними еще в Дрездене, 25 лет назад. Она вспоминает: «Есть ли это тот “настоящий яд”, о кот-ом Вы мне как-то признались на балу в Hotel Bellevue лет 25 тому назад? Вопрос был поставлен так: я тогда спросила, после нескольких минут очень содержательного, хоть и краткого, разговора с Вами, — почему мы никогда не можем вести более продолжительного разговора и в более спокойном месте, чем на балу. На это Вы мне ответили, что если так разговаривать, то может случиться, что не захочется и расстаться! Потом Вы неожиданно прибавили, что уже были у нас с Вами ситуации, пропитанные “настоящим ядом”, и что надо остерегаться»¹⁴. Она достойна своего избранника, понимая его интересы и темы. Вот, к примеру, ее слова: «Многое еще мне хочется у вас спросить, о многом дослушать, что не было досказано. <...> Темы о Влад. Соловьеве, о г-же Шмидт, о его отношении к эротике, были затронуты еле-еле, да и еще многое и многое из личных переживаний. Но даже в чуть затронутых темах и суждениях меня очень радовала моя полная “созвучность” с Вами, кот<орую>

¹³ Переписка Анны Алексеевны Оболенской фон Герсдорф и Федора Августовича Степуна (1952–1965). С. 517–518.

¹⁴ Там же. С. 533.

я раньше даже не так ощущала и кот<орая>, по-моему, расширилась в своем диапазоне. Также поразило меня приятно некоторое сходство во вкусах и в характере, что бывает так редко!»¹⁵

Он делится с ней тем, что интеллектуально переживает, понимая, что найдет в ней понимающую душу, тем более что она воплощение любимой и утерянной России, хотя и живущая в Европе, но остающаяся русской европейкой: «Спешно кончал статью для “Нового журнала”, опровергал благожелательных к России евразийцев и ненавидящих Россию европейцев, считающих, что Россия — Азия, которую надо прогнать за Урал. Только сегодня я дописал эту довольно большую статью, но предстоит еще и переписка. 30-го июля был день Наташиной смерти. Служили панихиду на могиле, хорошо пели два мужских голоса. После панихиды было у нас человек пятнадцать: все милые и знакомые люди, которые, как и я, чувствовали ее присутствие в ею созданной квартире»¹⁶. Но заметим, что новое чувство не вытесняет старого, более того, старое чувство идет как бы камертоном к новому.

Федор Степун

Поначалу эта переписка напомнила мне историю Элоизы и Абеляра (хотя возраст корреспондентов совсем другой), но любят друг друга двое абсолютно верующих христиан. И письма женщины нежнее, и религиознее, напоминая тексты абеляровской возлюбленной, недаром образ Элоизы и ее женская глубина прошли сквозь историю мировой культуры. Через Руссо («Новая Элоиза») до пушкинской Татьяны и Онегина.

На излете Средневековья монахиня Элоиза пишет удивительные письма возлюбленному — знаменитому теологу Абеляру. Их отношения — символ первой ренессансной любовной пары, решавшей своей судьбой важные философско-теологические и моральные вопросы. Элоиза думала о духоподъеме Абеляра, сознательно искупала грех Евы. По словам современного исследователя, «взаимоотношения Элоизы и Абеляра выдвинули еще одну проблему, одну из центральных для XII века — проблему связи и противоречия между любовью человеческой и Божественной»¹⁷.

Элоиза по-своему решила ее, служа Богу во имя любви к Абеляру, всячески желая способствовать его богословской славе: «Бог свидетель, что я никогда ничего не искала в тебе, кроме тебя самого. <...> И хотя наименование супруги представ-

¹⁵ Переписка Анны Алексеевны Оболенской фон Герсдорф и Федора Августовича Степуна (1952–1965). С. 518.

¹⁶ Там же. С. 527.

¹⁷ Брук К. Возрождение XII века // Богословие в культуре Средневековья. Киев: Христианское братство «Путь к истине», 1992. С. 144.

ляется более священным и прочным, мне всегда было приятнее называться твоей подругой, или, если ты не оскорбишься, — твоею сожительницей или любовницей. Я думала, что чем более я унижусь ради тебя, тем больше будет твоя любовь ко мне и тем меньше я могу повредить твоей выдающейся славе»¹⁸. И подписывала свои письма: «Своему единственному после Христа и его единственная во Христе»¹⁹.

Тут звучит и тема Беатриче и Данте. Ведь Беатриче не обладает и сотой долей дантовского таланта, но именно она ведет Данте вверх, из Ада через Чистилище в Рай. Было бы кого вести. В этом великая метафизика отношений мужчины и женщины. Женщина ищет достойного, но не всякий есть Данте, иной ведет женщину в пропасть, ибо женщина усваивает духовную потенцию мужчины, а потом разжигает ее в яркий костер. Так и Анна Алексеевна готова служить своему избраннику, ибо только он кажется ей достойным ее любви: «Я Вам, кажется, уже писала, как много Вы мне дали и даете, в особенности дали во время этой Мюнхенской встречи. Если это все расписать, то получатся не строчки, а страницы... Страницы, конечно, чудесные. Но меня очень смущало одно обстоятельство: что же даю я Вам, что могу дать? Восхищение, преданность, любовь, дружбу, — что хотите, — но всего этого, я чувствовала, у Вас много кругом. Много, и мож. быть гораздо ценнее, потому что активно, близко, осязаемо. Но что я “своя”, что за мной “стоит Россия, ее природа, ее история, имена... созданных русск. творчеством женщин” и т. д., это такие дары, — от меня независящие, кот-ым и я умиляюсь. За отыскание их во мне — низжайший Вам поклон, — и опять — спасибо!»²⁰. И чуть позже еще яснее: «Любовь на старости лет, совсем особая, просветленная, совсем не конкурирующая с той большой единственной любовью. Помочь друг другу дожить, помочь еще творить, закончить задание от Бога!»²¹. В этой переписке звучит и тема «Евгения Онегина».

Мужчина смутил покой женщины, более того, дал ей право надеяться, поскольку она явно ему понравилась, как Татьяна Евгению. Что Онегин и сообщает Ленскому: «Будь я, как ты, поэт, я выбрал бы другую». В Татьяне он чувствует поэтическую натуру, как Степун в Оболенской-Герсдорф. И он ей пишет, подтверждая ее надежду: «Правды стыдиться не надо. Ваши письма были для меня большою радостью. И Вы правильно уловили в моем голосе какие-то еле уловимые нотки, давшие Вам право писать мне. Нет, Вы не ошиблись»²². Далее вступает в действие архетип русского мужчины, на сцену выходит тургеневский герой, но чувства которого осложнены нравственно-философской проблематикой и мистическим мировидением. Он отступает и в ответ на ее все более и более страстные письма сле-

¹⁸ Первое письмо Элоизы Абеяру // Абеяру П. История моих бедствий. М.: АН СССР, 1959. С. 67, 70.

¹⁹ Второе письмо Элоизы Абеяру // Абеяру П. История моих бедствий. С. 80.

²⁰ Переписка Анны Алексеевны Оболенской фон Герсдорф и Федора Августовича Степуна. С. 532.

²¹ Там же. С. 562.

²² Там же. С. 527–528.

дует обескураживающий ответ, о котором она ему напоминает, ощущая при этом двойственность его чувств. Ты «сказал мне тогда, сидя со мной последний раз в ресторане, как бы лоя последние минуты, что мы были одни: “Ты понимаешь, все это хорошо, но я не могу и не хочу иметь с Тобой романа. Это было бы прекрасно, но это невозможно. *Я не свободен, я менее свободен, чем был когда бы то ни было...*” Что-то вроде Евг. Онегина. “Когда бы” и т. д. А с другой стороны, что-то чувствует-ся искреннее, — привязанность ко мне, даже какая-то невысказанная нежность»²³ (курсив мой. — В. К.).

Это уже подготовка к отступлению. Ему не по себе. Наташа и Наташина смерть слишком рядом. Трудно прожить с человеком душа в душу пятьдесят лет и в течение года поменять его на другого. Они перешли вначале на имена, отказавшись от отчеств (в русской интеллигентной культуре это много значит), потом перешли на «ты». Ты — Анюта, ты — Федор. Когда-то разрыв с Буниным из-за трагической любви Галины Кузнецовой и Марги Степун перевел вчерашних друзей на «вы» и на имена-отчества. Здесь как бы другой вектор. Анюта, так он ее называл, зовет его к себе в Швецию, говоря, что приготовила ему комнату с хорошим письменным столом и окнами в сад, рядом со своей мастерской, а готовить ему будет она сама. Обещает покой и душевное равновесие для его творчества. На его смущенный вопрос, что такая близость комнат может привести к чему-то большему, чем просто дружба, она ответила по-женски решительно, что ее это несколько не смущает. А может, даже и обрадует, поскольку расставит все необходимые акценты в их отношениях.

Казалось бы, стихи Пастернака из «Доктора Живаго», роман, о котором он писал, стало быть, и стихи читал. А его столкновение с Анютой чем-то напоминало ситуацию доктора Живаго и Лары:

В года мытарств, во времена
Немыслимого быта
Она волной судьбы со дна
Была к нему пририта.

Степун был в душевной растерянности. Но дело здесь было все же не в «Онегине», а в особом, прямо скажем, мистическом настрое его души. Не случайно последняя его книга называлась «Мистическое мировидение». Все же этот кантианец был одновременно выучеником немецких романтиков и мистиком²⁴. Одна из первых его статей, как я уже поминал, называлась «Трагедия мистического сознания». И эта трагедия настигла его. Его посещали видения. К нему стала являться его покойная жена, казалось, что это явление — упрек ему. Напрасно Анна Алексеевна пыталась

²³ Переписка Анны Алексеевны Оболенской фон Герсдорф и Федора Августовича Степуна. С. 162.

²⁴ См. об этом статью: Мелих Ю. Б. Ф. А. Степун — кантианец и мистик // Вопросы философии. 2010. № 7. С. 102–116.

воззвать к его рационализму: «Мне кажется, она не может ревновать ко мне, кот. любит его совсем особой, совсем допустимой любовью. Любовью, кот. была бы утешением, радостью, рассветом и ему, и мне, и кот. могла бы совсем не связываться со страстью и даже не быть телесной. <...> Я верю, — она, там, видит больше и лучше. Увидит, — само обман ли это с моей стороны, хитросплетения греховной любви под личиной святости и бесстрастности, или действительно какое-то особое чистое чувство. Дружба, привязанность, благоволение — с подъемом. Веришь ли, — нет у меня других и больших мечтаний. Я верю, что Господь устроит как лучше»²⁵.

Но мистик Степун думал, что жизнь сложнее и трагичнее, и проще одновременно. Анна пыталась переубедить его:

Кстати, вспомнила. Ты раньше говорил: «Нет вопроса непосевания. Все это только вопрос иерархии любви!» Я возражала. Мне кажется, что и сейчас опыт показывает, что больше, чем иерархия любви, играет роль иерархия голоса совести. Разве нет? Так что мой друг, — это последнее мое длинное письмо. Впрочем, как Ты захочешь и считаешь правильным. Я сейчас пишу так спокойно и благоразумно, но знаю сама, что этого «благоразумия» хватит у меня не надолго! Вот и сейчас, глядя на Твое письмо, как подумаю, что не будет больше этих милых зеленых чернил, так, — ну, да не стоит договаривать. И так, беру себя за шиворот и говорю: Молчи!!

Теперь возвращаюсь к главной моей теме: «единственное между нами расхождение». Я расскажу Тебе все, что я чувствую, думаю по этому поводу. Во-первых, почему я «превратила про исходившее при мне в рассказ о том, что я лично не пережила». Просто потому, что я в тот вечер этого так, как Ты, и не пережила. Только потом в ресторане Ты мне сказал, что ясно чувствовал, как Наташа стояла за Твоим стулом. Шорох в передней еще сам по себе мог ничего особенного и не значить. Что Наташа, любя, около Тебя, в этом нет ничего удивительного, — так и должно быть и, как я Тебе и сказала: это хорошо, Федя!

Но что она ревниво Тебя оберегает от кого-ниб., кто не может Тебе принести вреда, — вот тут я не совсем уверена, — верно ли это.

У меня совсем другое представление о покойниках, добрых и любящих верующих христианах, кот. только желают нам добра²⁶.

Анна Алексеевна находит человека, Анатолия Рудольфовича Реннинга, так же, как и она, влюбленного в творчество Степуна. Она пишет Ф. А. стихи на его восьмидесятилетие, добавляя, что сочинять стихотворение ей помогал «Толя». Это уже говорит об особой близости, ведь она считает себя поэтом, стихи ее хвалил Степун. И в своем последнем письме к ней 25 июня 1964 г. Степун желает «своей Анюте»

²⁵ Переписка Анны Алексеевны Оболенской фон Герсдорф и Федора Августовича Степуна. С. 352.

²⁶ Там же. С. 604.

счастья *без него* (Реннинг и вправду становится ее мужем). Явление и запрет Наташи на новую любовь был фактом мистическим, но для Степуна он оказался решающим.

Человек пишущий невольно переводит в слова происходящее с ним, причем в слова, по возможности имеющие смысл общезначимый — в статьи или художественные тексты. Степун, после «Переслегина» прозы не писавший, вдруг пишет рассказ под названием «Ревность». В октябре этого же года рассказ был готов, что ясно из его письма редактору «Нового журнала» Р. Б. Гулю. Это письмо приводит редакция перед посмертной публикацией рассказа: «Рассказ “Ревность” мы получили от Ф. А. месяца за два до смерти. Вот что писал о нем Ф. А. 22 октября 1964 г. Р. Б. Гулю: “В ближайшее время пришлю Вам нечто для Вас неожиданное. Я недавно кончил небольшой рассказ, 18 машинных страниц, озаглавленный «Ревность» — чувство, которое я реально никогда не переживал. Фабула — роман героя с фотографией — взята из жизни, но развивается она в рамке моих философских размышлений о сущности любви. Не думайте, что рассказ безытно витийственный, то есть чисто философский; там есть и сцена, и парки, и музыка — Шопен и Рахманинов, и так далее”»²⁷.

Но современникам был не очень внятн подспудный смысл рассказа, который становится очевидным только с учетом личной переписки.

Рассказ написан абсолютно в духе немецкой романтической прозы эпохи Шлегеля и Шеллинга, где сюжетом являются мысли и переживания героя, на фоне некоего мистического (или кажущегося таковым) события. Сюжет удивительно прост, хотя и наполнен ложным мистическим переживанием. В Германии живет пожилой уже русский эмигрант (с несколько странной, хотя и говорящей далее фамилией — *Исцеленов*) со своей женой Мариной. Марина для него в сущности его всё. Вот он идет по улице: «Попадались аллеи еще голых берез, молоденьких, не больше тридцати лет, как дома в Подмосковье. Дома? Но есть ли у него еще дом? Вот только Марина!»²⁸. Очевидно, он чем-то знаменит. К нему приходит фотокорреспондент, сообщив, что его фотопортрет будет на стенде знаменитостей. Исцеленов идет смотреть и, подойдя к фотостенду, попадает в некое мистическое пространство: «Он уже издали увидел в нитеобразном углублении стены фотовитрину с его собственным портретом, в правом нижнем углу которого, к его удивлению, была помещена фотография молодой женщины, с как будто бы простым, но пленительным и зовущим куда-то вдаль лицом, скорее славянского, чем германского типа. Стоя у витрины вот уже десять, а может быть и пятнадцать минут — время для него как будто бы остановилось — и все глубже проникая в глубину заворожившего его лица, Исцеленов взволнованно чувствовал, что за холодным стеклом свершается какая-то таинственная жизнь».

²⁷ Новый журнал. 1965. Кн. 79. С. 25.

²⁸ *Степун Ф. А. Ревность // Степун Ф. А. Сочинения / Сост., вступ. ст., примеч. и библиограф. указатель. М.: РОССПЭН, 2000. С. 931.*

Она ему нравится, он ходит регулярно смотреть эту далекую от него красавицу. Интересно, однако, что он утаивает это свое ощущение от жены, думая при этом: «Если бы все было во мне простой игрой художественного воображения, наверное, не только все рассказал бы, но и повел бы Марину посмотреть на мою *бумажную красавицу*». Но не забудем, что пишущая ему письма Анна Алексеевна в фантазии мистически настроенного художника и есть бумажная красавица. Фотография — это нечто иное. Интересно, что пишущая ему женщина еще и художница, рисующая для заработка портреты. Не забудем и того, что покойная его жена ему *является*, оставаясь частью его жизни. Поэтому в рассказе она вполне живая, хотя и наделенная невероятным даром понимания.

Он, в сущности, здесь описывает свое отношение к переписке с княгиней Оболенской.

«Душевное состояние Исцеленова становилось все мучительнее, все сложнее. Зовущий вдаль фотопортрет с каждым днем все самоувереннее и самовольнее превращался в живое существо, *стремящееся, если не сегодня, то завтра войти в его жизнь. Чувство вины перед Мариной, трагической вины без вины, неустанно росло у него в душе*. Но поделиться всем с женой он все же не мог, может быть, потому, что она силой своей любви и своей духовной трезвости могла бы освободить его из плена, а освобождения он не хотел: уже любил свой плен, таящееся в нем единство счастья и страдания». Исцеленов называет эту свою странную любовь «последним актом его *сюрреалистической драмы*».

Но все же не зря называется Исцеленовым. Усилием воли он исцеляется от наваждения: Он вдруг понимает, что изображенная на фотографии актриса сходится со своим режиссером. И он топит ее портрет, принося символическое жертвоприношение, о чем и рассказывает, наконец, жене: «К моему и твоему счастью, она подло изменила, и я возненавидел ее и, приревновав ее, решил, что она должна умереть. Она! Но пойми, Марина: *она — это не только ее застекленный образ, а и та живая женщина, которую я ощутил сквозь фотографию и в которую, признаюсь, по-настоящему влюбился. Это единство образа и реальности тебе, пожалуй, трудно понять. Да и я эту странную магию понял только совсем недавно в моем общении с портретами. Но древняя магия эту тайну давно знала, всегда верила, что во всяком отображении человека: в портрете ли, в сновидении ли, в зеркальности вод, таится и он сам*. Это правда, Марина. Если бы эта вера не была правдой, я не мог бы пережить моего романа». После этого преодоления, художественного преодоления несостоявшегося романа, он, очевидно, успокоился и прекратил переписку, легко уже принимая добрые слова и поздравления с юбилеем от своей эпистолярной возлюбленной.

Пожалуй, слова жены героя могут быть естественным завершением этого эпистолярного сюжета. Жена подводит итог его метаниям (причем не забудем, что реальному Степуну она, покойная его жена, являлась как дух): «Когда ты блуждал среди твоих мистических теней, я очень боялась за нас, за конец нашей жизни, о котором я в последнее время много думаю. *Ведь если в час последнего расставания*

людям может быть дарован свет, то он только и может быть светом за всю жизнь ничем незатемненной любви...»

Степун остался при этом свете ничем не затемненной любви.

Литература

- Абеляр П. История моих бедствий. М.: АН СССР, 1959.
- Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. М.: Правда, 1990.
- Брук К. Возрождение XII века // Богословие в культуре Средневековья. Киев: Христианское братство «Путь к истине», 1992.
- Доброхотов А. Л. Данте. М.: Мысль, 1990.
- Малинина Т. А. А. А. Оболенская фон Герсдорф и ее творчество. СПб.: Центр искусств «АВИТ», 2002.
- Письма Ф. А. Степуна И. А. Бунину // С двух берегов. Русская литература XX века в России и за рубежом. М.: ИМЛИ РАН, 2002.
- Пушкин А. С. Евгений Онегин.
- Р. Кронер, Н. Бубнов, Г. Мелис, С. Гессен, Ф. Степун. О мессии. Эссе по философии культуры / Сост., послесл., примеч. А. А. Ермичёва; пер. с нем. А. А. Ермичёва, Н. Ю. Заварзиной, В. П. Курапиной, И. Л. Фокина. СПб.: РХГА, 2010.
- Степун Федор. Встречи и размышления. London: Overseas Publications Interchange Ltd., 1992.
- Степун Федор. Николай Переслегин. Томск: Водолей, 1997.
- Степун Федор. Чаемая Россия / Сост. и послесл. А. А. Ермичёва. СПб.: РХГИ, 1999.
- Степун Федор. Бывшее и несбывшееся / Послесл. Р. Гергеля. 2-е изд., испр. СПб.: Алетейя, 2000.
- Степун Ф. А. Сочинения / Вступит. ст., подгот. текстов, примеч. и библиограф. В. К. Кантора. М.: РОССПЭН, 2000.
- Степун Федор. Жизнь и творчество: избранные сочинения / Вступит. ст., сост. и коммент. В. К. Кантора. М.: Астрель, 2009.
- Степун Федор. Мистическое мировидение. Пять образов русского символизма / Послесл. А. А. Ермичёва. СПб.: Владимир Даль, 2012.
- Степун Федор. Письма / Сост., коммент., вступит. статьи к тому и разделам В. К. Кантора. М.: РОССПЭН, 2013. (Сер. «Российские пропилеи»).
- Stepun Fedor. Der Bolschewismus und die christliche Existenz. München: Kosel Verlag, 1959. S. 296.